

Совершенно секретно
Лев Моносов

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КУЗНЕЦОВ (ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ).

ЧАСТЬ II.
1939-1942 гг.

СЛУЖЕБНОЙ ЗАПИСКЕ от
1 отд-ние 5 отдела ГЭУ НКВД
Вильгельмович, 1907 г.р., ур.Германии, г.Саарбрюкен,
работает инженером завода № 22, проживает: Напрудние пер.
проходил как связь
разрабатывались

РАПОРТ

В агентурной сети I-го Отдела 2 Управления
работает агент "КОЛОНИСТ" Кузнецов Николай
г.рождения, урож. Челябинский
Эрзянки, по национальности
который в связи с проводимой
Шиндт Рудольф
гражданин города Саарбрюкен

Paul Seibert
(Mitarbeiter des Sonderaufsehens)

Königsherg (Ve), den 18. Jan 1942
Der Polizeipräsident
a.
F. Müller
(Mitarbeiter des Sonderaufsehens)

Л. М. Моносов

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ КУЗНЕЦОВ (ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ
ЖИЗНИ И СМЕРТИ). ЧАСТЬ II. 1939–1942 гг.**

Монография

Чебоксары

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

2024

УДК 355/359(09)
ББК 63.3(2)6-8
М77

Моносов Л. М.
М77 **Легендарный Кузнецов (загадки и тайны жизни и смерти).**
Часть II. 1939–1942 гг. : монография / Л. М. Моносов. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2024. – 80 с.

ISBN 978-5-6052738-2-0

В книге рассмотрены вопросы, связанные с переводом Николая Ивановича Кузнецова из Свердловска в Москву и его работой в агентурной сети Центра. Приведены ранее не известные данные о деятельности легендарного разведчика в период с 1939 по 1942 год.

Данное издание будет интересно тем, кто интересуется историей советской разведки.

УДК 355/359(09)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-6052738-2-0
DOI 10.31483/a-924

© Моносов Л. М., 2024
© ЦНС «Интерактив плюс»,
оформление, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. ДОРОГА В РАЗВЕДКУ	8
Глава II. ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ ЦЕНТРА.....	33
Глава III. МОСКВА ПРЕДВОЕННАЯ.....	45
Глава IV. ТАИНСТВЕННАЯ КСАНА ОБОЛЕНСКАЯ.....	67
Список литературы.....	76

Введение

Все дальше в Историю уходят события Великой Отечественной войны. В 2024 году исполнилось 80 лет с момента героической гибели легендарного советского разведчика, Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

Личность Николая Кузнецова привлекает и еще долго будет привлекать к себе внимание исследователей. Об этом свидетельствует, в частности, и то, что первую часть данной монографии в 2024 году просмотрело на дискуссионной площадке Центра научного сотрудничества «Интерактив плюс» свыше тысячи ста читателей.

Хронологические рамки второй части монографии с 1939 по 1942 год. Выбор нижней границы определен тем, что в этом году закончился московский период в жизни Кузнецова.

25 августа 1942 года в тыл врага улетал под псевдонимом красноармейца Грачева опытнейший специальный агент IV Управления НКВД СССР Николай Иванович Кузнецов, который в течение трех лет в Москве был связан с сотрудниками германского посольства, венгерской и словацкой миссий, участвовал в ряде серьезных вербовочных комбинаций.

Выбор верхнего хронологического предела монографии определен 1939 годом, что вполне объяснимо. Это был год крупнейших исторических событий (разгром под Халкин-Голом советскими войсками отборной 23 пехотной дивизии Японии, заключение между Советским Союзом и Германией Договора о ненападении, объявление Чехословакии и Моравии протекторатом Германии, нападение Германии на Польшу, что означало начало Второй мировой войны, вступление Финляндии в войну с СССР).

В 1939 году, после кровавых репрессий 1937–1938 гг. произошло реформирование Главного Управления Государственной безопасности СССР (ГУ ГБ СССР) имевшей целью ориентирование этой крупнейшей спецслужбы на военное время. Созданы 2-ой (секретно-политический) и 3-и (контрразведывательный) отделы, которые были нацелены на обеспечение государственной и политической безопасности советского строя, пресечение разведывательно-подрывной деятельности спецслужб иностранных государств на территории страны, своевременного информирования

руководства СССР об угрозах развязывания войны. Возглавил эти два отдела П.В. Федотов

Во второй отдел был принят прибывший из Свердловска Николай Кузнецов, которого в 1932 году привлекло к работе местное НКВД.

В связи с последующими реорганизациями Главного Управления Николай Кузнецов был зачислен в агентурную сеть первого (немецкого) отдела второго управления НКВД СССР, которым с 1941 года руководил Петр Васильевич Федотов.

До настоящего времени в тени оставалось многое из того, что было связано с обстоятельствами перевода Кузнецова из Свердловска в Москву.

Причина перевода – острый дефицит квалифицированных кадров, которые были уничтожены в результате репрессий. Репрессии нанесли чудовищный удар по разведорганам Советского Союза. Они стали причиной огромных потерь Красной Армии в Зимней войне и в начальный период Великой Отечественной войны. К огромному сожалению, после окончания войны, репрессиям подверглись практически все руководители разведки, внесшие огромный вклад в Победу Советского Союза над Германией. Лишь единицам удалось добиться реабилитации и восстановления своего честного имени.

Репрессии коснулись и Николая Кузнецова. Его исключали из комсомола, не дали закончить техникум, подвергали арестам. Пытались в застенках Свердловского УНКВД. У него были две неснятые судимости.

Это породило множество конспирологических версий. В частности утверждалось, что он из репрессированных немцев. По другим трактовкам – погиб в сталинских лагерях, а его документами воспользовались для создания легенды опытному разведчику, работавшему до войны в Германии.

Эти предположения были подробно рассмотрены в первой части монографии и показано, что они не соответствуют действительности.

Тем не менее, журналисты, блогеры и просто «любители истории» продолжают утверждать, что «простой сибирский валенок»

из глухой, засыпанной снегом деревни, не мог в совершенстве изучить немецкий язык, манеры, правила поведения офицеров вермахта и стать выдающимся разведчиком Второй мировой войны.

В монографии приводятся документы, подтверждающие, что в агентурной сети 1-го Отдела 2 Управления НКВД СССР состоял Николай Иванович Кузнецов 1911 года рождения, уроженец Челябинской области, Талицкого района деревни Зырянка. Русский по национальности.

Как стало известно совсем недавно, первым заданием Кузнецова стала командировка в Ленинград, в распоряжение разведотдела Ленинградского фронта, когда в конце 1939 года сложилась тяжелая ситуация в ходе Зимней войны. Есть информация, что по результатам работы в Ленинграде Кузнецов был представлен к ордену Красной Звезды.

С 1940 года Кузнецов, под видом авиационного инженера Рудольфа Вильгельмовича Шмидта, немца по национальности, устанавливает в Москве связи с рядом сотрудников германского, японского посольств, венгерской и словацкой миссии. Участвует в ряде вербовочных комбинаций. Ему удается получить сведения о немецких агентах, работающих в Советском Союзе. Он участвует в перехвате дипломатической почты и взломе шифропереписки японского посольства.

В марте 1941 года Кузнецов получает информацию о дате начала войны. Эти сведения были подтверждены 17 мая 1941 года советской разведчицей З.И. Воскресенской (Рыбкиной), побывавшей в немецком посольстве.

В работе рассматривается очень сложный период в деятельности Кузнецова, связанный с началом Великой Отечественной войны. Он обращается рапортом о направлении его в тыл врага, но 25.06.1941 г. ему отказывают по объективным причинам. В сентябре 1941 года рассматривается возможность переброски Кузнецова (агент «Колонист») на Запад через Иран.

16 октября 1941 года Кузнецову сообщили, что он включен в подпольную группу для работы в Москве на случай захвата ее немцами.

В конце 1941 года он серьезно заболел. После выздоровления, его направляют в лагерь немецких военнопленных под Москвой для окончательной шлифовки под германского солдата.

Во время зимнего (1942 года) наступления советских войск под Москвой, Кузнецова направляют в распоряжение разведотдела Калининского фронта. Используя опыт Зимней войны, он успешно участвует в операциях за линией фронта, допросах пленных и работе с захваченными документами.

После возвращения в Москву, руководство ставит Кузнецова в известность, что отправка его в тыл опять стала актуальной задачей.

В начале 1942 года его временно переводят во вновь созданное IV (партизанское) управление НКВД, возглавляемое П.А. Судоплатовым для проведения зафронтовой стратегической разведки. Начинается интенсивная разведподготовка, которая завершилась 25 августа 1942 года.

Глава I. ДОРОГА В РАЗВЕДКУ

В агентурной сети I Отдела 2 Управления НКВД СССР состоит агент «Колонист» **Кузнецов Николай Иванович**», 1911 года рождения, урож. Челябинской области, Талицкого района дер. Зырянка, по национальности русский, нигде не работает, который в связи с проводимой им агентурной работы выступает как **Шмидт Рудольф Вильгельмович**, 1907 года рождения, уроженец города Саарбрюкен /Германия/, по национальности немец.

*Из рапорта Начальника 2 Управления
НКВД СССР, Комиссара государственной
безопасности 3 ранга Федотова
02.09.1941 г.*

История становления разведчика Николая Кузнецова полна белых пятен, загадок и тайн. Одна из таких загадок заключается в том, как попал на работу в Москву, в Главное Управление государственной безопасности (ГУ ГБ) НКВД СССР, никому не известный молодой человек из Сибири, специалист по лесному делу, которого сразу назначили на должность особо засекреченного спецагента.

До последнего времени этот факт биографии Кузнецова оставался тайной за семью печатями. Как произошло, что негласный сотрудник периферийных органов госбезопасности оказался в поле зрения Центра?

Завесу этой тайны впервые приоткрыл писателю Теодору Гладкову один из руководителей советской контрразведки, бывший генерал-лейтенант Л.Ф. Райхман [1].

Райхман сообщил, что в середине 1938 года к нему обратился Нарком внутренних дел Коми АССР М.И. Журавлев, который рекомендовал взять на работу в ГУ ГБ НКВД СССР Николая Кузнецова – молодого, негласного сотрудника органов с прекрасными лингвистическими способностями. Вот так, по версии Райхмана, Кузнецов попал в Москву. С трудом верится, чтобы на работу в такую серьезную организацию, какой являлась советская разведка,

можно было принять незнакомого человека с улицы по телефонному звонку.

Анализ этой версии, свидетельствует, что опытный контрразведчик Л.Ф. Райхман раскрыл писателю, мягко говоря, не всю правду об этой истории, но сделал это в лучших традициях советской мифологии.

Биографические данные Л.Ф. Райхмана и М.И. Журавлева, раскритикованные приказы НКВД СССР неопровержимо свидетельствуют о том, что в середине 1938 года Михаил Иванович Журавлев не мог позвонить Райхману по вопросу трудоустройства Николая Кузнецова. В 1938 году Журавлев не был Наркомом внутренних дел Коми АССР. Он работал в Ленинграде вторым секретарем Ленинского районного комитета ВКП (б). Занимал он эту должность до сентября 1938 года, а с октября и до конца 1938 года находился в Москве, в резерве ЦК ВКП (б). Журавлев не был знаком с Николаем Кузнецовым, который в это время жил и работал Свердловске.

Нарком внутренних дел Коми АССР Журавлев был назначен 28 января 1939 года (Приказ НКВД СССР №174 от 28.01.1939 года). В Сыктывкар, столицу Коми АССР, он прибыл в феврале 1939 года.

При назначении в Москве Журавлеву поручили ответственное правительственное задание – наладить поставки из Коми АССР лесоматериалов. Эта проблема для страны стояла очень остро. Принятый в 1933 году второй пятилетний план (1933–1937 гг.), который предусматривал рост лесозаготовок к концу пятилетки до 7.4 млн куб. был провален. Было заготовлено лишь 4.7 млн куб. План лесозаготовок третьей пятилетки (1938–1942 гг.) в 1938 году был сорван. Причиной провалов в этой работе были массовые репрессии. По сфабрикованным делам в 1937–1938 годах было осуждено практически все руководство Коми АССР, включая первых секретарей обкома Коми Александра Семичева и Павла Мурашева.

Задачу выполнения плана лесозаготовок необходимо было решать срочно, а специалистов, уцелевших после репрессий, было крайне мало.

Подбирая кадры для этой работы, в поле зрения нового наркома в 1939 году попал работавший в Коми Николай Кузнецов, специа-

лист по лесному хозяйству и негласный сотрудник органов безопасности, свободно владеющий коми-пермяцким и немецким языками, что было очень важным обстоятельством, т.к. коми были основным трудоспособным населением Края. Немцы-переселенцы в Коми были вторыми по численности после русских.

Как оказался Николай Кузнецов в 1939 году в этом суровом, таежном Краю за две тысячи километров от Свердловска, где он жил и работал?

Известно, что с 1934 по 1938 год, выполняя задания органов госбезопасности, Кузнецов работал в Свердловске. Сначала статистиком в тресте «Свердлес», затем чертежником в Верх-Исетском заводе, а с мая 1935 года расцеховщиком в конструкторском бюро завода Уралмаш (Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ)). С Уралмаша Кузнецов был уволен 28 января 1936 по статье 47 КЗОТ (прогулы). Объяснения этому пока нет, но увольнение, было связано с его переходом в 1936 году на постоянную работу в органы госбезопасности.

До 1938 года Кузнецов, выполняя задания госбезопасности, в качестве агента – маршрутника, объездил весь Урал. Он занимался агентурными разработками немецких специалистов, работающих на оборонных заводах и борьбой с различными контрреволюционными формированиями (шпионаж, вредительство и т.д.).

В Свердловске он закончил учебу на областных курсах иностранных языков, которыми руководила профессор О.М. Веселкина и поступил на заочное отделение индустриального института [2]. Жил Кузнецов в благоустроенной квартире нового дома, расположенного в престижном районе, хорошо одевался, обедал в ресторанах, постоянно водил знакомства с иностранцами.

Поведение молодого человека бросалось в глаза и бдительными гражданами писались доносы. В те времена это было широко распространенным явлением. Забегая вперед, следует отметить, что такая же ситуация с доносами была и в Москве. Их было так много, что Кузнецова в разработку взяла контрразведка, присвоив ему клички «Щеголь» и «Атлет». Сообщения о нем в сводках наружного наблюдения 1 отделения 3-го спецотдела НКВД СССР шли на самый «верх» и только личное вмешательство Начальника Главного управления государственной безопасности В.Н. Меркулова

спасло Кузнецова от ареста. В Свердловске такой поддержки у него не было.

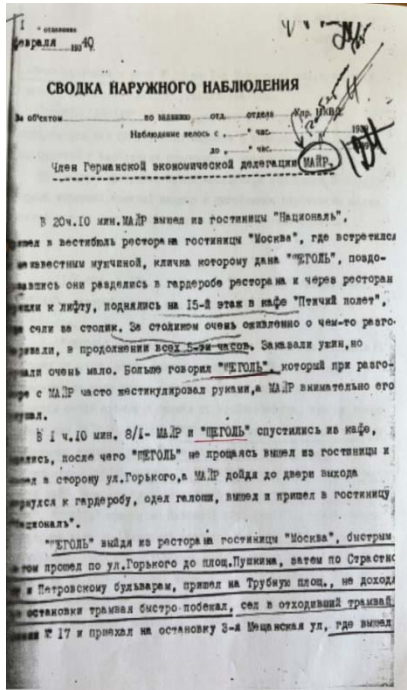

Рис. 1. Сводка наружного наблюдения 1 отделения 3 спецотдела НКВД СССР за объектом Шмидт Рудольф Вильгельмович (кличка «Щеголь»)

Осенью 1938 года Кузнецов был арестован и находился во время следствия в подвалах внутренней тюрьме УНКВД по Свердловской области (ул. Ленина 17). Это было страшное время массовых, кровавых политических репрессий, которые начались с выходом Оперативного приказа НКВД СССР № 00447 от 30.07.1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Операция началась 5 августа 1937 г. и эту дату принято считать началом эпохи «Большого террора».

Согласно «Справке 1 спецотдела НКВД СССР о количестве арестованных и осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 ноября

1938 г в Советском Союзе было арестовано 1 565 041 человек. По другим источникам 1 683 572 человека. В порядке приказа НКВД № 00447 было арестовано 702 656 человек.

В Свердловской области репрессии затронули практически граждан всех национальностей. Сотрудники УНКВД принимали активное участие в фальсификации документов на арест русских, поляков, латышей, финнов, евреев, эстонцев китайцев, корейцев и других национальностей. В результате камерной обработки арестованных большинство из них сознавалось в предъявленных обвинениях в шпионаже в пользу Польши, Финляндии, Японии и проведении диверсионных актов.

В самом Свердловске репрессиям подверглись представители всех сфер деятельности города: рабочие, крестьяне, священнослужители, учителя, врачи, преподаватели высших учебных заведений. Никто не был защищен. За любым жителем города могли прийти не исключая пенсионеров, домохозяек и безработных. Больше всего пострадало наиболее работоспособное, молодое поколение горожан.

Период репрессий продолжался почти тридцать лет, до 1957 года, но их пик пришелся на 1937–1938 годы.

Исследованиями историка-архивиста Елены Юрьевны Шушариной (Музей истории Екатеринбурга), старшего преподавателя Натальи Юрьевны Сероштановой и специалиста в области цифрового искусства Полины Андреевны Шураевой (Екатеринбургская академия современного искусства) уточнена картина репрессий в Свердловске. Этими специалистами выполнен анализ личной информации 6976 свердловчан, занесенных в Книгу Памяти жертв политических репрессии Свердловской области (10 томов).

В результате удалось собрать и проанализировать статистические данные периода репрессий в самом Свердловске.

Высшая мера наказания (расстрел) была применена к 2947 гражданам города, остальные 4028 приговорены к длительным срокам заключения в лагерях и ссылкам. Общий срок заключения составил чудовищную цифру – 27 419 лет.

Большинство репрессированных – 6119 человек – это мужчины 46 национальностей. Численность репрессированных женщин 18 национальностей составляет 856 человек (таблицы 1, 2).

Таблица 1

Анализ репрессий в городе Свердловске
за период 1926–1957 годов

Мужчины 6119 человек			Женщины 856 человек		
Расстрел	Лагерь	Ссылка	Расстрел	Лагерь	Ссылка
2755 (45%)	3119 (51%)	245 (4%)	192 (22%)	588 (68,7%)	76 (8,9%)

Таблица 2

Национальный состав большинства репрессированных граждан
в городе Свердловске

Мужчины	Женщины
Русские 3952 человек (64,6%)	Русские 596 человек (69,9%)
Украинцы 711 человек (11,6%)	Еврейки 97 человек (6,7%)
Евреи 413 человек (6,7%)	Польки 30 человек (3,5%)

Это не окончательные цифры, но они свидетельствуют о масштабах трагедии Большого террора в Свердловске.

Николая Кузнецова до 1938 года в Свердловске арестовывали дважды (Павлов Л. У вас продается славянский шкаф? // Л. Павлов // Урал. – 2019. – №9. – С. 188–209.). Первый раз это произошло осенью 1934 года, когда он трудился на Верх-Исетском заводе, а второй 28.11.1935 года во время работы на Уралмаше. Сейчас уже невозможно точно установить причину этих арестов. Дела практически сразу закрывались, но есть предположения, что это было какой-то комбинацией спецслужб.

События, связанные с его арестом и освобождением в 1938 году, вызывают множество вопросов. Существует нескольких версий этих трагических событий,

Писатель Теодор Гладков считает причиной ареста Кузнецова ошибки, которые Кузнецовым были допущены в оперативной работе и ему вменили «чуть ли не страшную расстрельную 58 статью УК РСФСР».

Анна Федорова утверждает, что причиной ареста был донос за общение с немецкими специалистами. Обвинение было предъявлено по статье 58-10 УК СССР «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению или ослаблению Советской власти или

совершению отдельных контрреволюционных преступлений». По этой статье предусматривалось лишение свободы на срок от шести месяцев.

Вера Вольфина сообщает, что судили Кузнецова по 95-ой статье УК СССР (заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти или иным, имеющим право возбуждать уголовное преследование лицам, а равно заведомо ложные показания данное свидетелем или экспертом при производстве дознания, следствия или судебного разбирательства по делу).

Объясняя причину освобождения Кузнецова, Теодор Гладков утверждает, что за него, как за молодого и очень талантливого сотрудника, «вступились ответственные товарищи из Свердловского УНКВД».

Могло ли такое произойти в страшной обстановке беззакония и массовых репрессий, которые творились в то время в Свердловском УНКВД или освобождение было просто счастливым стечением обстоятельств. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Начальником Управления НКВД по Свердловской области в 1936 году был назначен Комиссар ГБ третьего ранга Дмитрий Дмитриев (Плоткин), пользовавшийся покровительством самого Наркома НКВД Ежова. Вместе с Дмитриевым прибыли из Москвы и были назначены на руководящие должности в Свердловском УНКВД: Боярских Н.Я., Варшавский Д.М., Дашевский Я.Ш., Кричман С.А., Ерман М.Б., Арров-Гандетницкий Л.С. Прибывшие с Дмитриевым руководители начали широко применять пытки заключенных с целью добиться признания в контрреволюционной деятельности, шпионаже и диверсиях. Людей избивали в застенках и выбрасывали из окон умирать на улице.

Такие преступные действия вызвали резкий протест свердловских чекистов, которые в апреле 1937 года выступили открыто на областном активе в клубе им. Дзержинского с критикой порочных оперативно-следственных действий проводимых Дмитриевым и его подручными. В результате чекисты Весновский, Плахов, Моряков, Казанский, Курсевич, Абрамов, Лосев, Петухов, Воронов, Челноков, Самойлов, Буланов, Колесников, Мужиков, Баранов были арестованы. По приказу Дмитриева их пытали. Чекистам удалось

из застенков направить письмо Сталину о страшных преступлениях, творящихся в Управлении Свердловского НКВД.

В результате кровавых репрессий из старых кадров чекистов уцелели лишь единицы. Пересажав чекистский костяк, Дмитриев поставил задачу их всех огульно опорочить и создать из одних членов контрреволюционных правых, из других – шпионов немецкой и латвийской разведок.

В СССР с августа 1937 года в Стране были введены так называемые внесудебные «тройки», которые наделялись правом приговаривать арестованных лиц к расстрелу, а также заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Состав «троек» в обязательном порядке должен был состоять из руководителя управления НКВД СССР по республике, краю или области, секретаря обкома ВКП(б) и местного прокурора.

Рассмотрение дел «тройками» было поставлено на поток. За день они выносили от 110 до 120 обвинительных приговоров. В Западносибирском крае в 1938 году за одну ночь было вынесено 1221 обвинительное решение. Абсолютное большинство виновных было приговорено к расстрелу.

Внесудебная процедура, которую осуществляли «тройки», была максимально упрощена. На процессе не присутствовали адвокаты и даже обвиняемые, прения сторон не проводились. На рассмотрение дела отводилось в среднем от 5 до 10 минут. Приговор обжалованию не подлежал и приводился в исполнение, как правило, в тот же день.

Процент оправдательных решений, которые принимались «тройками» был ничтожно мал – 0,03%. В среднем из 10 тысяч осужденных рассчитывать на оправдание могли только 3 человека.

Оправдательные решения выносились не по причине гуманизма членов «тройки» и не потому, что местный нарком, партийный секретарь и прокурор посчитали человека невиновным. Истинная причина крылась в царившей неразберихе, поскольку «тройки» были вынуждены работать в авральном режиме. Это спасало единицы человеческих жизней. Иногда терялись документы, путались фамилии. На исправление ошибок требовалось время, которого у представителей «троек» просто не было. Такие дела перенаправлялись в суды, где у подсудимого увеличивались шансы на оправдание.

В Свердловске зловещую «тройку» возглавил Дмитриев. В нее так же входили второй секретарь обкома партии Борис Бергман и председатель Свердловского облисполкома Алексей Грачев. В «тройку» не входил даже прокурор, основной обязанностью которого являлось соблюдение законности.

Самый массовый приговор свердловской «тройкой» был вынесен 15 января 1938 года в отношении 179 человек. Массовые расстрелы были произведены в декабре 1937 и в начале января 1938 года, когда в течение трех дней было убито 62 человека.

За период 1937–1938 годов под руководством Дмитриева, его подручными был раскрыт «антисоветский заговор», сорвано «вооруженное восстание», ликвидированы «участники Уральского повстанческого штаба». Все эти «чудовищные преступления» на самом деле были лишь в воображении руководящих сотрудников Свердловского УНКВД. На оперативных совещаниях в УНКВД Дмитриев постоянно ставил задачу разгрома агентуры иностранных разведок и, в первую очередь, из числа местных жителей иностранной национальности. В частности он предупреждал сотрудников, что если по окончании операции на каком-нибудь предприятии Свердловска или области он обнаружит хотя бы одного поляка или латыша, то отдаст под суд того работника, который обслуживает данный объект» [3].

В результате преступной деятельности Дмитриева и его подручных было расстреляно почти тридцать тысяч человек, а количество заключенных, по данным переписи населения 1939 года, составило 199 568 человек, т.е. 8 % от всего населения в Свердловской области.

В подвалах внутренней тюрьмы Свердловского УНКВД, где находился Николай Кузнецов, следователи Легоцкий, Гайда, Хальков, Харин, Катков, Шейкман, Сааль и Титов выбивали из заключенных показания требуя сознаться исключительно в контрреволюционной, шпионской и диверсионной деятельности. Этой участи не избежал и Кузнецов.

Могли ли в этих условиях террора за молодого и талантливого разведчика вступить «старшие товарищи» отлично понимая, что рискуют собственной жизнью, защищая «врага народа»? Только ли

их мнение смогло повлиять на освобождение Кузнецова из застенков? Здесь много загадок, но есть все основания полагать, что такие люди все-таки были.

В Свердловск Кузнецов переехал в 1934 году. В этот же год в Свердловск из Кудымкара переводят куратора Кузнецова, начальника Коми-Пермяцкого окружного отдела ГПУ Тэниса И.И. и оперуполномоченного ОГПУ Овчинникова И.Ф., который в 1932 году завербовал Кузнецова, присвоив ему оперативный псевдоним «Кулик». Овчинников поддерживал и во многом помогал молодому и несомненно талантливому негласному сотруднику органов.

Что же касается И.И. Тэниса, то он, как куратор, требовал беспощадного выявлять врагов и не гнушаться применения провокационных методов. Молодой сотрудник, выполнявший все его задания, слепо верил матерому оперу Тэнису и это чуть не привело Кузнецова на скамью подсудимых.

С 1936 года Кузнецова курировал капитан ГБ Леопольд Львович Мирзах. В должности временно исполняющего делами (ВРИД) начальника 4 отдела УКГБ УНКВД по Свердловской области Мирзах подписал характеристику н агента «Колонист» (Кузнецова Николая Ивановича). Это произошло между августом 1938 года (назначение Мирзаха на эту должность) и увольнением его из органов в мае 1939 года. (Приказ НКВД СССР 1098 от 08.05.1939 года.)

В характеристике отмечалось хорошее владение Кузнецовым немецким языком и то, что он по своим качествам представляет определенную ценность как агент, обладая исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. В качестве недостатков указывалось на допущенные им ошибки, которые могли бы привести к расконспирации. Обращалось внимание на имевшие место случаи сгущения красок и высказывание Колонистом своих личных выводов за установленные факты. Отмечалось, что Кузнецов имеет необходимые данные для разведчика и хочет посвятить себя исключительно этой работе.

В тексте не упоминается ни об одной судимости Кузнецова. Этот документ сыграл положительную роль в деле освобождения из тюрьмы и при приеме на работу в Москве.

Конечно, чтобы подписать такую характеристику, в то страшное время требовалось мужество и принципиальность.

Вместе с тем на освобождение Кузнецова повлияли события, происходившие в Стране. Решением Политбюро ЦК ВКП (б) и Постановлением СНК СССР от 17 ноября 1938 года внесудебные тройки были ликвидированы. Н.И. Ежов 24 ноября 1938 года был снят с занимаемой должности. Наркомом НКВД СССР стал Л.П. Берия. Со своих должностей были сняты и отданы под суд сотрудники карательного аппарата, причастные к фальсификации уголовных дел. Из тюрем освобождались подсудимые, чья вина так и не была доказана. Масштабы репрессий резко сократились (таблица 3).

В конце 1938 года в СССР было освобождено 279 996 человек.

Все причастные к беззакониям в Свердловском УНКВД были арестованы и приговорены к различным срокам наказания. Дмитриев-Плоткин, Арров-Тандетницкий, Шмулевич и Шариков расстреляны. Сменивший в 1938 году Дмитриева на посту Начальника Свердловского УНКВД майор ГБ М.П. Викторов (Новоселов) через полгода пребывания в должности был арестован, осужден на 15 лет лагерей и умер в тюрьме. В реабилитации ему было отказано. Судьба И.И. Тэниса до сих пор не известна, но по всей вероятности, за применения провокационных методов ведения следствия он был расстрелян.

Таблица 3

Аресты в СССР в период 1936–1939 годов

Годы	В целом по СССР (чел.)	По Свердловской области (чел.)
1936	274 760	2428
1937	790 665	28724
1938	554 258	17016
1939	63 889	392
Итого:	1 683 572	48560

Представленные данные о динамике арестов свидетельствуют не о «потеплении» или смене курса, а лишь о некотором реформировании подходов НКВД к ведению политических дел. Репрессии не прекратились. Юриспруденция террора не была уничтожена.

Незаконные методы ведения следствия продолжались широко использоваться и, что самое главное, поддерживались политическим руководством Страны.

Приостановив массовый террор, Сталин продолжал и дальше использовать политические репрессии, поручив их исполнять органам, которые находились вне пределов обычной системы уголовного правосудия.

В шифрограмме от 10.01.1939 года Сталин указывал:

«...ЦК ВКП (б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено в 1937 году с разрешения ЦК ВКП (б) и этот метод должен обязательно применяться впредь».

Попытки восстановления законности, проводимые Л.П. Берия, заключались лишь в незначительной корректировке курса политики репрессий. Карательный механизм оставался в неприкосновенности и укреплялся несмотря на то, что в 1939 году из органов НКВД было уволено 7372 человека (23% оперативных сотрудников).

В силе оставались законы от 1 декабря 1934 года и от 14.09.1937 года, по которым предусматривалось упрощенное рассмотрение дел и немедленное приведение приговоров в исполнение с запрещением их обжалования [4].

Что касается дела арестованного Кузнецова, то его коллегам, по видимому, удалось на этапе следствия добиться передачи дела в суд и переквалификации «политической» 58 статьи в 95 статью УК РСФСР, по которой наказание предусматривалось в виде лишения свободы или принудительных работ на срок до трех месяцев. Это произошло благодаря отмене в 1938 году внесудебных «троек» и ареста начальника Свердловского УНКВД Дмитриева и его подручных.

При рассмотрении дела Кузнецова судом было зачтено время нахождения под следствием (статья 29 УК РСФСР 1926 года), которое составляло более трех месяцев. Поэтому он полностью отбыл

срок наказания и вышел на свободу в конце 1938 года. Такое случилось крайне редко. Установлено, что за период репрессий в Свердловске, срок предварительного заключения был засчитан 55 арестованным (46 мужчинам и 9 женщинам). В списках этих людей фамилии Кузнецова нет, т.к. все материалы по делу разведчика были переданы в Москву.

Кузнецову повезло. Его не забили до смерти на допросах, хотя избивали так, что у него выпали все волосы на голове. Не отправили на длительный срок в лагерь и не сослали в ссылку.

После освобождения Кузнецов был направлен органами госбезопасности на работу в Коми АССР.

В многочисленных биографиях Кузнецова этот период не освещен. Ряд исследователей, выдвигая различные конспирологические версии, отрицают этот период в жизни Кузнецова. Они утверждают, что Кузнецов был замучен в тюрьме, расстрелян или сгинул в сталинских лагерях.

Другие вариации на эту тему звучат так, что НКВД якобы его «специально убрало», чтобы воспользовавшись документами Кузнецова заменить его то ли на профессионального разведчика, немца по национальности, долгое время работавшего в Германии, то ли на завербованного опытного сотрудника английской разведки, который в 1944 году ушел на Запад.

На основании анализа рассекреченных материалов, воспоминаний непосредственных участников событий, воевавших за линией фронта вместе Кузнецовым, а также лиц, проводивших по линии спецслужб специальные расследования его деятельности в тылу врага, в первой части монографии было показано, что все версии о его замене не нашли подтверждения и являются досужим вымыслом.

Вместе с тем в последнее время появляются все новые публикации журналистов, блогеров, и «историков любителей», которые с упорством достойным иного применения, преподносят «сенсационные открытия». Они убеждены, что Кузнецов – это миф. Продукт советской пропаганды. Объяснение простое – паренек из глухой

сибирской деревни, которого «разоблачители» и «ниспровергатели» называют «простым сибирским валенком», не мог самостоятельно в совершенстве изучить язык, обычаи и правила поведения офицеров Вермахта. На это способен только этнический немец. По их мнению, многочисленных публикаций про разведчика Кузнецова, в том числе книги его сестры и брата, это «нечитабельная ахинея», списанная и заимствованная из книг писателя Т.К. Гладкова, который, как они считают, был допущен к архивам и засекреченному личному делу Кузнецова.

В этой связи необходимо вновь обратить внимание на некоторые нестыковки в этих разоблачениях.

Книги Д.Н. Медведева в литературной обработке А.Б. Гребнева (Г.Б. Айзенберг) «Это было под Ровно» (1948 г.), «Сильные духом» (1951 г.), «На берегах Южного буга» (1957 г.) были не просто читабельны – они имели оглушительный успех и переиздавались более 80 раз на 30 языках.

Даже спустя 76 лет после первой публикации книги «Это было под Ровно» критики считают, что это: *«не художественная литература в прямом смысле этого слова, а классическая документальная военная повесть, напоминающая пространный, литературно обработанный отчёт военачальника о проделанной его подразделением боевой работе. Соответственно, и язык этой повести максимально прост, скуп, по-военному лаконичен и сугубо повествователен»* ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://otzovik.com/review_9858851.html).

Фильм «Подвиг разведчика», снятый по сценарию Михаила Юрьевича Блеймана и Михаила (Исидора) Борисовича Маклярского, непосредственно принимавшего участие в разведподготовке Николая Кузнецова (в фильме майор Алексей Федотов), вышел на экраны 19 сентября 1947 года, а через две недели газета «Вечерняя Москва» сообщила, что его просмотрело более миллиона человек. За 1947 год эту ленту режиссера Бориса Васильевича Барнета по-

смотрело 22,7 миллионов человек. Фильм в 1948 году получил Сталинскую премию второй степени и по настоящее время является классикой советского кино.

Сестра Кузнецова Лидия Ивановна Брюханова и его брат Виктор Иванович Кузнецов написали увлекательную книгу для молодежи и юношества. Естественно, она написана в рамках идеологических установок советского времени. Но в этой книге есть интересные и неизвестные факты о жизни Кузнецова.

Авторы ничего не могли заимствовать у писателя Теодора Гладкова одной простой причине – их книга «Разведчик Николай Кузнецов» появилась в 1967 году [5], а первые публикации о Кузнецове Т.К. Гладкова (в соавторстве с А.А. Лукиным) вышли в 1969 и в 1971 году [6; 7].

Далее. Т.К. Гладков не был допущен к материалам личного дела разведчика Кузнецова. У Теодора Кирилловича безусловно очень интересные, захватывающие читателя публикации и он по праву считается биографом Кузнецова, но все то, что касается освещения оперативной работы разведчика – это плод его творческой фантазии, основанной не на документах, а на личных беседах с ветеранами советской разведки А.А. Лукиным, Л.Ф. Райхманом, П.Г. Громушкиным, В.С. Рясным, В.И. Ступином, Б.И. Черным, А.В. Цессарским и С.Т. Стеховым.

В 2023 году прогремела еще одно «сенсационное» исследование, анонсированное как «100% бестселлер». Оказывается, разведчик Кузнецов – это этнический немец. Увы, следует разочаровать автора. Новость эта, мягко говоря, не нова.

Версию о том, что Кузнецов является немцем из Поволжья еще в декабре 1959 года озвучил начальник IV Управления КГБ СССР генерал-лейтенант Е.П. Питовранов во время не простой беседы на Лубянке с лейтенантом госбезопасности Н.В. Струтинским, прибывшим из Львова. Подробно об этой беседе будет подробно рассказано в заключительной, третьей части монографии, когда будут озвучены загадки и тайны гибели разведгруппы Кузнецова.

А сейчас сообщим, что Николай Струтинский-разведчик и боевой товарищ Николая Кузнецова, который после войны на свой страх и риск вел поиски следов его пропавшей разведгруппы, не побоялся возразить грозному генералу КГБ и заявил, что Кузнецов русский, родом из Сибири. Питовранов потребовал принести из архива личное дело Кузнецова и оказалось, что Струтинский прав.

Можно так же напомнить «любителям истории», что находясь в 1941 году на посту главы «Особой группы» при Наркоме внутренних дел СССР, П.А. Судоплатов был против использования в тылу агентов немецкой национальности и «категорически возражал против связей с агентурой из числа немцев, которые не были высланы в первые дни войны» [Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 382 с.].

В своих воспоминаниях в 1997 году он писал: *«Активисты «Мемориала», организации, объединяющей узников ГУЛАГа, старались связать его имя с репрессиями против немцев, депортированных из Сибири и Поволжья. Кузнецов никакого отношения к этому не имел. Как я говорил ранее, он был русским, родом из Сибири...»* [15].

А вот почему руководству КГБ СССР не было известно про Кузнецова, сейчас поясним.

К моменту создания КГБ из разведки были изгнаны и репрессированы практически все оперативные сотрудники, кто руководил Кузнецовым, с кем он работал и воевал в тылу врага.

Л.П. Берия, В.Н. Меркулов, Б.З. Кобулов – были расстреляны. П.А. Судоплатов и Н.И. Эйтингон находились в заключении во Владимирской тюрьме. Всем сотрудникам разведки было категорически запрещено называть их имена.

Генерал-лейтенант П.В. Федотов, опытный руководитель органов госбезопасности, тот самый знаменитый «генерал Ф», на имя которого Кузнецов направил рапорт о действиях на Западной Украине, был разжалован, исключен из партии и уволен из разведки в возрасте 59 лет с унижительной формулировкой «по служебному несоответствию».

Полковник З.И. Воскресенская (Рыбкина), заявившая на партактиве, что не верит в виновность Судоплатова, была немедленно изгнана из разведки и направлена в Воркутлаг (один из лагерей ГУЛАГа) начальником спецчасти.

Герой Советского Союза, кавалер четырех орденов Ленина, полковник Д.Н. Медведев, командир разведывательно-диверсионной резидентуры РДР 4/190 (отряд «Победители») вынужден был срочно уволиться из органов в возрасте 48 лет. Занимался литературной деятельностью. За свои произведения был фактически затравлен националистами из партийных органов Украины.

В 1947 году уволили полковника Л.И. Сташко (Олег Каминский).

Куратор Кузнецова в Москве, сорокалетний полковник С.Л. Окунь, был уволен из органов КГБ в 1956 году. После увольнения работал заместителем директора ресторана «Арагви».

Легендарный разведчик, будущий Герой России А.Н. Ботян, в 1955 году уволен из разведки по сокращению штатов. После увольнения работал гардеробщиком, а потом администратором в ресторане «Арагви».

Теперь о засекреченных документах о Кузнецове. В последнее время ФСБ России начала открывать материалы о его деятельности. Это было приурочено к 100-летию со дня рождения разведчика и в 2020 году, когда отмечалось 100-летие создания СВР (Служба внешней разведки Российской Федерации).

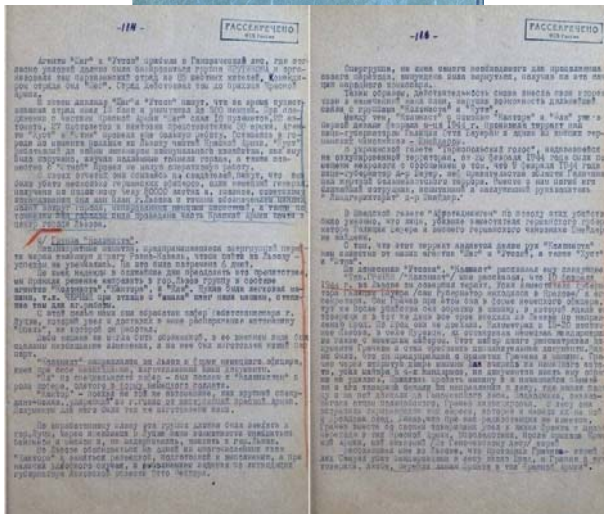
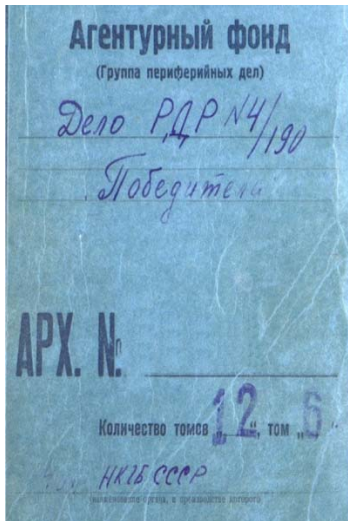

Рис. 2. Фрагменты рассекреченных документов о деятельности Н.И. Кузнецова

Чтобы ответить на главный вопрос – кто же Вы, разведчик Кузнецов, прошу уважаемого читателя набраться точечку терпения и вспомнить гениального М.А. Булакова с его бессмертным «рукописи не горят».

В следующей главе будут приведены не рукописи, а материалы служебной переписки начальника 2 Управления НКВД СССР, комиссара государственной безопасности 3 ранга Федотова, которые непосредственно касались Николая Ивановича Кузнецова. Фрагмент одного из этих документов является эпиграфом данной главы.

Ну а теперь вернемся в Коми, где после освобождения жил и работал Кузнецов. Всю правду об этом периоде еще предстоит узнать, когда будут открыты архивы. Ясно одно, что после того, как он «засветился» со своей второй судимостью, работать в Свердловске ему было нельзя.

Люди из госбезопасности и его куратор Л.Л. Мирзах отлично понимали, что окно их возможностей, с учетом происходивших чисток, перемен и чехарды кадров может закрыться в любую минуту*. Поэтому Кузнецова срочно отправили подальше от палачей Свердловского УНКВД.

Коми АССР было выбрано потому, что там, в 1930 году, после окончания лесного техникума, Кузнецов начинал свою трудовую деятельность. В поселке городского типа Кудымкар он работал конъюктеристом, секретарем бюро цен и калькуляций, помощником таксатора в леспромхозе. Зарекомендовал себя как грамотный специалист по оценке лесных ресурсов, лесовосстановлению и сохранению лесов. Это и определило выбор нового места работы Кузнецова.

В 30-е годы XX века в Коми АССР лесозаготовками занимались постоянные кадры лесных рабочих, спецпереселенцы и лесные подразделения системы ГУЛАГа НКВД. Доля ГУЛАГа в развитии лесного Комплекса Коми была чрезвычайно высокой: в 1938 – 55,9%, в 1939 – 58,1% и в 1940 – 60%.

ГУЛАГ в Коми АССР с 1934 года подчинялся Наркому внутренних дел.

* Л.Л. Мирзах был мужественным человеком, прошедшим через очень суровые испытания. В 1939 году его уволили из органов и репрессировали. Лишили звания капитана ГБ (соответствовало званию полковника в РККА) и наград. В 1942 году, из заключения, он был направлен на фронт рядовым. Войну закончил в звании младшего сержанта. Награжден Орденом Красной Звезды и Отечественной войны 2 степени.

Наркому М.И. Журавлеву удалось, с помощью своей команды, в которую входил и Кузнецов, поднять производительность труда в лесной промышленности.

К концу 1939 года хроническое отставание в поставках леса было преодолено. Объем лесозаготовок к началу 1940 года, по сравнению с 1927 годом, возрос в почти в семь раз, тогда как в целом по стране – менее чем в 4 раза. Если производство пиломатериалов в 1937 году составляло в Коми 112 тыс. куб, то к 1940 году – 355 тыс. куб – увеличение в три раза.

В этих достижениях была доля труда Николая Кузнецова - специалиста по лесному хозяйству. Это Журавлев ценил и был Кузнецову обязан.

Обращение Журавлева к Райхману об использования Кузнецова в Центре, увязывалось с планами перевода самого Журавлева на работу в Москву, в Главное Управление государственной безопасности (ГУ ГБ) НКВД СССР, где в 1939 году происходили очень серьезные кадровые перестановки.

Об этом периоде П.А. Судоплатов писал: «В канун 1940 года перед нами встал вопрос нового комплектования кадров органов госбезопасности» [8].

Капитан государственной безопасности Л.Ф. Райхман выдвигался на должность заместителя начальника 2-ого отдела ГУ ГБ НКВД СССР.

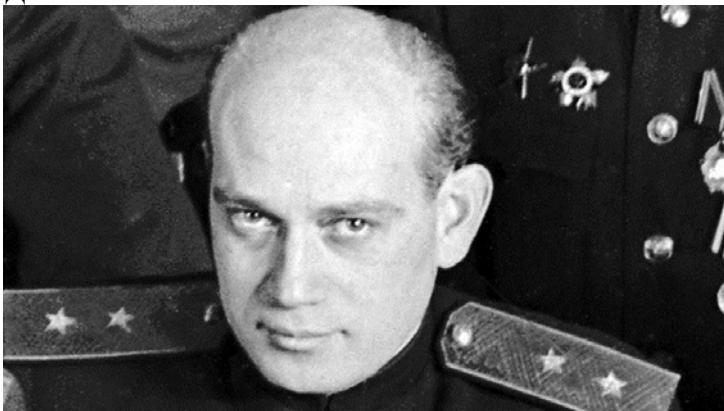

Рис. 3. Генерал Л.Ф. Райхман

Уходя на повышение, Л.Ф. Райхман на свое место (начальника 5-го отделения 2 отдела ГУ ГБ) предложил кандидатуру М.И. Журавлева, который показал очень хорошие результаты работы на посту Наркома Коми АССР.

В этой связи Райхман с Журавлевым часто звонили друг другу, обсуждая вопросы перевода в Москву**.

Отделение, которым руководил Л.Ф. Райхман, занималось разработкой литераторов, работников печати, издательств, театров, кино, деятелями культуры и искусства.

Для Журавлева агентурно-оперативная работа в среде интеллигенции была абсолютно новым делом, и он подбирал людей, на которых можно было бы опереться на новой работе в Москве.

Рис. 4. Генерал М.И. Журавлев

** Приказом НКВД СССР №522 от 22.04.1940 года Журавлев был назначен на должность начальника 5-ого отделения 2-ого отдела ГУ ГБ НКВД СССР.

Выбор Журавлевым Кузнецова был не случаен. За время работы в Коми он его хорошо узнал. Их объединяла тяга к знаниям, увлеченность литературой, театром, спортом, охотой. Оба беззаветно верили в идеалы социализма. Наконец они были просто ровесниками, которые хорошо понимали и доверяли друг другу.

Естественно, Журавлев изучил личное дело Кузнецова и все, что было связано с его судимостями. Понимая, что перед ним действительно самородок, обладающий выдающимися лингвистическими способностями, Журавлев счел возможным обратиться к Райхману с просьбой о переводе Кузнецова в Москву. И эта просьба была удовлетворена.

Вот по какой причине произошел тот уникальный, совершенно невероятный случай, когда из глухомани лесов и топей Коми края в Москву попал сибирский парень, которому предстояло войти в историю как самому выдающемуся разведчику Второй мировой войны.

Вызов Кузнецова в Москву был согласован, но добраться из Коми до столицы в те времена было очень не просто. Железнодорожного сообщения не было. Оно появится только после войны. Первый пассажирский поезд в Сыктывкар придет 21 января 1961 года, а железнодорожный вокзал откроют в 1962 году.

Чтобы в 1939 году попасть из Сыктывкара Москву, надо было самолетом долететь до Архангельска, а там сесть на поезд.

В Коми до середины 1930-х годов авиация была лагерной. Почти все пилоты были заключенными. Полеты выполнялись на одномоторном многоцелевом биплане Р-5. Летали по земным ориентирам – осваивая маршрут Архангельск-Воркута. Первый пассажирский рейс Архангельск – Котлас – Сыктывкар открылся в 1930 году. Полеты выполнялись на шестиместном самолете «Дорнье Комета» общества «Добролет».

Регулярные рейсы по маршруту Сыктывкар – Котлас – Архангельск появились только в 1936 году, когда было создано самостоятельное Сыктывкарское авиазвено 33-го отдельного Архангельского авиаотряда. Полеты осуществлялись на самолетах У-2.

В 1939 году из Сыктывкара в Архангельск Кузнецов летел на самолете У-2Л («Лимузин»), оснащенном комфортабельной, за-

крытой кабиной с остеклением в которой размещались два человека, сидевшие в мягких креслах с подлокотниками лицом друг к другу.

Рис. 5. Самолет У-2Л («Лимузин») конструкции
Н.Н. Поликарпова

Скорость самолета составляла 151 км/час. Максимальный потолок – 3000 м. Время полета до Архангельска – 8 часов. Билет стоил 170 рублей. Для сравнения – зарплата Кузнецова, когда он работал в должности расцеховщика в КБ «Уралмаша», была 270 рублей.

Многочасовой полет над бескрайней тайгой Коми Края произвел на Кузнецова неизгладимое впечатление. На всю свою жизнь он сохранил любовь к авиации. Увлекался парашютными прыжками. С началом войны просил руководство направить его в Воздушно-десантные войска. После зачисления в IV (партизанское) Управление НКВД СССР, он прошел усиленную специальную парашютную подготовку под фамилией Петров.

Руководил его парашютной подготовкой майор Потапов. Тренировки по индивидуальной программе Кузнецов проходил в клубе НКВД на Дзержинской улице в Москве. Тренировочные прыжки выполнял в Тушино и в районе Щелковского водохранилища. Прыгал из американских транспортных двухмоторных самолетов «Дуглас».

В ночь на 25 августа 1942 года в качестве особо засекреченного специального агента IV Управления НКВД СССР Кузнецов совершит десантирование в районе хутора Злуй, расположенного на границе Ровенской и Житомирской области оккупированной Украины.

Это произойдет через три года, а сейчас никому не известный молодой человек летел навстречу своей судьбе в Москву. Шел 1939 год.

Для мировой истории 1939 год имеет важнейшее значение т.к. события, произошедшие 85 лет тому назад, оказали огромное влияние на международную обстановку и, в конечном счете, привели к одной из самых масштабных и разрушительных войн в истории человечества – Второй мировой войне.

На реке Халхин-Гол (Монголия) 11 мая 1939 года начались боевые действия между советско-монгольскими войсками и вооруженными силами Японии, которые завершились в августе 1939 года полным разгромом 23 пехотной дивизии 6-ой отдельной армии Японии.

23 августа 1939 года в Москве был заключен «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом известный как пакт «Молотова – Риббентропа» в составе которого были «Секретные протоколы».

Через восемь дней после подписания этого Договора, 1 сентября 1939 года, Германия напала на Польшу и этот день считается началом Второй мировой войны.

К осени 1939 года произошло резкое обострение советско-финляндских отношений.

В правительственных кругах Финляндии были всегда сильны ультранационалистические настроения и имелись планы по созданию «Великой Финляндии», которая должна была включить в себя Советскую Карелию, Мурманскую область и другие территории СССР.

Несмотря на то, что в 1932 году СССР и Финляндия подписали договор о ненападении, Финляндия демонстрировала в враждебное отношение к Москве, совершенствовала и вооружала свою армию, закупая оружие и снаряжение во многих странах. На Карельском перешейке усиленными темпами строилась т. н. «линия Маннергейма», в которую входили сотни долговременных огневых точек, три основные полосы укреплений, орудия, пулеметы и другое вооружение. Эта линия служила местом сосредоточения финских соединений, которые могли начать с нее наступательные действия.

Более того, за этой линией могли быть сконцентрированы и наступательные группировки войск какой-либо третьей державы или держав (Германии, или Англии и Франции).

Понимая опасность складывающейся ситуации, советская сторона постоянно инициировала проведение переговоров с Финляндией, по урегулированию территориальных вопросов.

В 1939 году происходила исключительно напряженная фаза советско-финских контактов, которые имели целью изменения границ государств для их удаления от Ленинграда – важнейшего политического и экономического центра СССР.

Расстояние от финской границы, проходящей по реке Сестре в районе Белоострова до Ленинграда, составляла всего 28 километров.

Несмотря на то, что Секретный дополнительный протокол к советско-германскому Договору о ненападении от 23 августа 1939 г. относил Финляндию в сферу советских интересов, СССР, в качестве компенсации, предлагал финнам вдвое большую территорию в Карелии.

«Поскольку Ленинград нельзя переместить, – говорил финской делегации Сталин, – мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 километров от Ленинграда... Мы просим 2700 кв. км и предлагаем взамен более 5500 кв. км».

Финляндию так же просили уступить Советскому Союзу ряд островов в Финском заливе, часть Карельского перешейка, п-в Рыбачий и предоставить в аренду часть полуострова Ханко.

Москва делала все возможное, чтобы прийти к взаимному компромиссу и заключить пакт о взаимопомощи в преддверии надвигающейся мировой войны.

Финская сторона всячески затягивала переговоры, меняла условия и отказывалась от выгодных предложений. В результате «ястребы» в правительстве Финляндии фактически сделали дальнейшие переговоры бесполезными и бессмысленными. В Хельсинки решили не идти ни на уступки, ни на компромиссы, рассчитывая, как всегда, на то, что «Запад им поможет». Поэтому старались не подписывать ни каких договоренностей с СССР.

Тем временем в районе советско-финской границы ситуация ежедневно накалялась. Стороны стягивали туда войска и технику.

Глава II. ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ ЦЕНТРА

Прибыв в Москву Николай Кузнецов встретился с Л.Ф. Райхманом, который ознакомился с его личным делом и доложил о нем своему непосредственному руководителю, начальнику 2-го отдела ГУГБ СССР, комиссару госбезопасности 3-го ранга Петру Васильевичу Федотову. В органах госбезопасности П.В. Федотов считался одним из крупнейших аналитиков. Его называли «академиком разведки». Это был широко образованный, вдумчивый, порядочный человек, избегавший аппаратных игр, лишенный каких-либо политических и карьеристских устремлений.

Прочитав личное дело Кузнецова, Федотов схватился за голову. С двумя судимостями и исключениями из комсомола его нельзя было принимать на работу в Центр или отправлять на учебу в разведшколу, которая открылась в 1938 году в Балашихе*. С такой анкетой кадровики его не только не пропустили, а еще бы дали новый срок. Это Федотов, чудом уцелевший в чистках и кровавых репрессиях последних лет, отлично осознавал.

Как профессионал он понимал, что перед ним перспективный сотрудник, имеющий семилетний опыт оперативной работы, свободно владеющий немецким и коми пермяцким языками. Причем знание языка коми было важным, поскольку он родственен с финским языком, а в последние месяцы отмечалось резкое обострение советско-финляндских отношений.

Финская разведка увеличила заброску своей агентуры в СССР. Только на Карельском участке советско-финской границы за 11 месяцев 1939 года было зафиксировано 24 нарушения (26 человек). Из них 16 нарушителей государственной границы были задержаны, а 10 ушли обратно в Финляндию. С 10 июня по 17 ноября 1939 года на территорию Мурманской области были направлены 18 финских разведывательных групп, которые провели там 126 дней и вернулись в Финляндию накануне Зимней войны.

Как аналитик Федотов считал весьма вероятным возникновение опасного вооруженного конфликта с Финляндией. В этой связи

* Школа особого назначения (ШОН). Руководитель – старший лейтенант ГБ Владимир Харитонович Шармазанашвили.

необходимо было срочно включить в контрразведывательную работу сотрудника со знанием финского языка. В дальнейшей перспективе он планировал использовать его по немецкому направлению. О том, что война с Германией будет, Федотов и его коллеги не сомневались.

П.В. Федотовым было принято беспрецедентное в истории спецслужб решение. В обход всеильного отдела кадров ГУ ГБ НКВД СССР Кузнецов был зачислен на должность особо засекреченного специального агента, которому в сжатые сроки необходимо было освоить финский язык и подключиться к работе по финскому направлению.

Это было его первое задание, которое он получил в Центре [9].

Участие Николая Кузнецова в советско-финляндской войне 1939–1940 года и его пребывание в этот период в Ленинграде подтверждает фотография, которую он послал сестре и брату в Свердловск. На фотографии Николай Кузнецов снят в форме старшего лейтенанта ВВС НКВД. На обороте надпись: *«Лиде и Вити на память событий, предшествовавших счастливому дню 12 марта 1940 года. Снимался в Ленинграде. НК.»*

Рис. 6. Николай Кузнецов
во время советско-финляндской войны

Счастливым днем 12 марта 1940 года – это день подписания Московского мирного договора между СССР и Финляндией о завершении Советско-финской войны, которую назвали «Зимней войной».

Подписанный в Москве договор, зафиксировал изменение советско-финской границы, установленной еще в далеком 1920 году Гартусским мирным договором.

Граница от Ленинграда на запад была отодвинута на 70 километров. Советский Союз приобрел дополнительно 40 тысяч кв. км. финских территорий. Финляндия лишилась городов Выборг, Сортавала и Кексгольм. СССР получил полный контроль над Ладожским озером и обезопасил Мурманск. Таков был результат Зимней войны.

Началом ее послужил «инцидент в Майниле» 26 ноября 1939 года, который советской стороной трактовался как обстрел финскими войсками советской территории. Был ли обстрел или нет – это вопрос до сих пор вызывает дискуссию среди историков, но именно он послужил сигналом к началу боевых действий. СССР 27 ноября 1939 года разорвал нейтралитет с Финляндией, а 29 ноября было заявлено о разрыве с этой страной дипломатических отношений.

30 ноября 1939 г. в 8 часов утра войска Ленинградского военного округа перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов. Началась Зимняя война.

Надо отметить, что финская разведка «проморгала» подготовку и концентрацию на границе советских войск. Министр обороны Финляндии Ю. Ниукканен даже 1 декабря 1939 года не мог поверить о начале боевых действий.

По планам Советского командования война должна была завершиться в течение двух недель, но она продлилась 104 дня. Первый период войны с 30 ноября 1939 года по 10 февраля 1940 года развивался крайне неудачно для советских войск. Во многом это было следствием ошибок разведки, недооценившей реальных сил противника и климатических особенностей театра военных действий. Оперативный план противника был практически не известен военному руководству. Предполагалось, что у противника имелось до

12 пехотных дивизий, 6 отдельных пехотных полков, 30 батальонов и 5 пехотных бригад и десятка полтора отдельных батальонов. В действительности же финны развернули до 18 пехотных дивизий. О «линии Маннергейма» у советского Командования имелись лишь отрывочные сведения. На советских картах ноября 1939 г. в районе Карельского перешейка были обозначены лишь ближайшие узлы финской обороны. Отсутствовали сведения о всей глубине финских укреплений.

Военным руководством СССР было принято ошибочное решение использовать в боевых условиях соединения только одного Ленинградского военного округа.

Это привело к окружению наших соединений в центральной части Финляндии, большим потерям личного состава, несогласованности действий, невозможности реализовать превосходство в артиллерии и авиации. Молниеносный разгром финнов не удался. Советские дивизии завязли на Карельском перешейке, не сумев преодолеть с ходу линию Маннергейма.

Вину за неудачи в ходе Зимней войны политическое и военное руководство Страны возложило на военную разведку не предоставившую Командованию достоверную информацию о количестве войск и вооружений противника, о построенных финнами укреплениях в районе Ладожского озера и на Карельском перешейке.

Начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба, 32-летний генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза Иван Иосифович Проскурин был снят с должности, разжалован, лишен Звания Героя Советского Союза и расстрелян. К сожалению, истинные причины провала разведки так и остались не выясненными.

Разведкой Вооруженных сил Финляндии занимался разведотдел Ленинградского военного округа (ЛенВО). Размещался разведотдел в Ленинграде на Английской набережной и на Галерной улице.

В 1934 году этот отдел был выведен из состава штаба Лен ВО и подчинен непосредственно командующему войсками округа.

С мая 1931 года по июль 1937 разведотдел Лен ВО возглавлял полковник Гродис Юлий Иосифович. Высокообразованный офицер. Закончил Основной (1929 г.) и Специальный (1931 г.) факуль-

теты Военной Академии РККА им.М.В. Фрунзе. Арестован 27 сентября 1937 года по ложному обвинению. Реабилитирован в 1955 году. В 1956 году награжден орденом Ленина.

После ареста Гродиса, разведотдел Ленинградского военного округа с июля 1937 года возглавил полковник Илья Яковлевич Линдов-Лившиц. Выпускник Восточного (1931 г.) и Оперативного (1935 г.) факультетов Военной Академии РККА им. М.В. Фрунзе. Профессиональный разведчик. Работал в Китае и Персии. И.Я. Линдов-Лившиц был арестован 3 ноября 1937 года. Приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован посмертно 27 сентября 1957 года.

Рис. 7. Полковник Гродис Ю.И.

Рис. 8. Полковник
Линдов-Лившиц И.Я.

В 1937–1938 годах был репрессирован практически весь личный состав военной разведки Ленинградского военного округа. Повальные аресты проводились как из официального аппарата, так и из агентурного состава. Большая часть разведчиков была расстреляна. Все репрессированные разведчики разведотдела ЛенВО были реабилитированы.

Последствия массовых репрессий разведотдела ЛенВО стали особенно очевидны в ходе войны с финнами. После ареста И.Я. Гродиса и И.Я. Линдов-Лившица все разведданные, собранные разведотделом Лен ВО, объявили неверными и изъяли.

В начале Зимней войны в штабе фронта и даже в Генеральном штабе РККА никто не знал о том, что еще до 1937 года разведчики Гродиса составили документ исключительной оперативной важности – описание и альбом фотографий линии Маннергейма.

Поэтому зимой 1939 года наступление Красной Армии велось практически вслепую, без знания системы финских укреплений, что стоило советским войскам больших потерь. Лишь по случайной случайности в архиве оперативного отдела штаба ЛенВО был обнаружен этот важнейший документ, который сыграл важную роль в проведении наступления и захвате линии Маннергейма.

Обвиняя разведку в провале следует учитывать, что в ходе массовых кровавых репрессий, руководством Страны накануне Зимней войны были целенаправленно уничтожены самые лучшие, профессиональные и высокообразованные кадры разведчиков.

С июля 1938 года по июнь 1941 года начальником разведотдела Лен ВО был генерал-майор Петр Петрович Евстигнеев.

Рис. 9. Генерал П.П. Евстигнеев

Он закончил Специальный факультет (1932 г.) Военной Академии РККА им. М.В. Фрунзе. Ему удалось избежать репрессий – началась Зимняя война и нужно было практически с нуля начать создавать разведотдел ЛенВО.

П.П. Евстигнеев являлся профессиональным разведчиком и в совершенстве владел английским языком. После начала боевых действий он являлся начальником разведотдела штаба 7 армии. Разведотдел располагался в районе железной дороге Ленинград – Териоки (Зеленогорск), Райвола (Рощино).

В распоряжение П.П. Евстигнеева был временно командирован из Москвы специальный агент Николай Кузнецов. Положение с агентурной разведкой в то период было крайне тяжелым. Маршал Советского Союза В.И. Чуйков вспоминал, что во время Зимней войны вся наша агентура, которая забрасывалась в тыл к финнам, не возвращалась назад. Все погибали. Вот в каких тяжелейших условиях пришлось начинать работать разведчику Кузнецову.

Война с Финляндией вызвала резкую негативную реакцию на Западе. Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Создалась угроза, что если СССР завязнет в этом конфликте, то он ослабнет и возникнет опасность конфликта с нацистской Германией у которой были серьезные интересы на Балтийском море. Поэтому после провала наступления на Карельском перешейке перед советской разведкой в январе 1940 года была поставлена задача ускорить заключение мирного договора с финнами в марте 1940 года. С этой целью в Стокгольме начались секретные предварительные зондажные контакты с представителями финского правительства через посредничество заместителя министра иностранных дел Швеции г-на Садлера. От советской стороны переговоры вел резидент советской разведки в Хельсинки Б.А. Рыбкин под прикрытием консула Ярцева* и его жена – заместитель резидента З.И. Воскресенская (Рыбкина)**. Они проделали огромную подготовительную работу для начала переговоров. Рыбкин докладывал в Москву, что заключение

* Борис Аркадьевич Рыбкин (Борух Аронович Ривкин) -выдающийся советский разведчик.

** Зоя Ивановна Воскресенская (Рыбкина). Полковник советской разведки и детский писатель. Лауреат Государственной премии СССР.

мира абсолютно возможно, но при условии нанесения финнам довольно серьезного поражения на фронте, которое сделает невозможным дальнейшее затягивание переговоров [8].

Тем временем бои на фронте приняли затяжной, позиционный характер в условиях суровой зимы.

По данным генерал-лейтенанта Х. Энквиста, командующего II корпусом, в день начала войны (30 ноября 1939 года) температура воздуха составляла +3°C. До 20 декабря она колебалась от +2 до -7°C. К Новому году, температура не опускалась ниже -23°C. Во второй половине января 1940 года температура воздуха достигла до 40 градусов мороза на всем театре военных действий [10, с. 243].

Ситуация усугублялась тем, что советские войска до января 1940 года были без теплого обмундирования. Отсутствовали полушубки, валенки, рукавицы, шапки-ушанки. Не хватало лыж. Личный состав, в своем большинстве, не умел ходить на лыжах.

Финская же армия фактически вся стояла на лыжах, была отлично экипирована для боевых действий в зимний период, вооружена надежным автоматическим оружием - пистолетами-пулеметами «Суоми» образца 1931 года с магазином на 70 патронов. Это оружие хорошо зарекомендовало себя при боевых действиях в лесных массивах и экстремально низких температурах воздуха. Оно произвело большое впечатление на рядовой и командный состав РККА.

В советских войсках на вооружении был «автомат Федорова» – автоматическая винтовка калибра 6.5 мм. По свидетельству участников боев это оружие продемонстрировало преимущество над пистолетами – пулеметами финской армии. К сожалению, в войсках таких винтовок было крайне недостаточно.

Очень сложная ситуация для советского командования в начальный период войны сложилась с обеспечением точными разведданными о противнике.

Исходя из хронологии событий, Николай Кузнецов, освоив финский язык, первый раз прибыл в Ленинград глубокой осенью 1939 года. Он был командирован в распоряжение разведотдела Ле-

нинградского Военного округа. Таких командировок будет несколько. Об этом факте в биографии разведчика Кузнецова до последнего времени было неизвестно.

Работа финской разведки (агентурной, легальной, технической) с 1918 года в течение 20 лет была направлена исключительно против СССР. Финская разведка обменивалась разведанными и действовала в тесном контакте со спецслужбами и разведками Великобритании, Швеции, Латвии, Эстонии, Польши, Германии (включая гестапо). Немцы высоко оценивали разведанные Финляндии.

Английская разведка «Сикрет интеллиженс сервис» (СИС) использовала территорию Финляндии для заброски через «окна» на границе своих агентов в СССР.

Агентурная разведка финских спецслужб практически не исследована. Это было связано с особыми, добрососедскими советско-финляндскими отношениями, которые сложились во времена разрядки, после окончания Второй мировой войны. Ни одна из сторон не желала возвращаться к этой теме [11].

Вместе с тем известно, что финны располагали хорошо подготовленным и значительным по численности агентурным аппаратом, при формировании которого они опирались на финский национализм, эмиграцию и беженцев из России, внутреннюю оппозицию в СССР.

Агентурной разведкой против СССР занималось разведывательное бюро («Бюро статистики U-2») Генерального штаба Оборонительных сил Финляндии. Оно состояло из Выборгского, Сортавальского, Каянского, Пестамского подразделений.

Выборгское разведотделение (Выборг) осуществляло разведку на Карельском перешейке от Финского залива до Ладожского озера, т. е. на Ленинградском направлении. Это был самый маленький (около 200 км), но самый важный по значимости участок, что обуславливалось его близостью к границе Ленинграда и концентрацией на Карельском перешейке советских войск. Разведотделению Выборг подчинялись Раутский (Рауту) и Кивеннапский (Кивеннапа) разведпункты. Первый осуществлял разведку севернее Ленинграда, на территории северной Ингерманландии, второй – в направлении Ленинграда, каждый из них имел «окно» на своем направлении через которые направлял агентуру через границу.

Финской разведке перед войной удавалось следить за расположением воинских подразделений Советского Союза на ближайших территориях на расстоянии приблизительно 50 км вглубь от границы. Однако на более дальних расстояниях разведка не действовала. Поэтому Генеральный штаб Финляндии фактически «проморгал» сосредоточение советских войск накануне Зимней войны.

С началом Зимней войны финская агентурная разведка прекратилась, но в начале 1940 г. было создано «Специальное отделение V», которое стало усиленно заниматься агентурной разведкой, направляя на территорию СССР разведгруппы через действующие «окна».

Следует отметить, что и у советской военной разведки были на границы «окна», которые назывались «пунктами разведывательных переправ (ПРП)», которые в Ленинградском военном округе подчинялись 4 отделу. В качестве одного из окон использовался замерзший Финский залив. Через такие «окна» в тыл врага ходил Николай Кузнецов.

Об участии Кузнецова в Зимней войне одним из первых написал в статье «Первое задание разведчика Кузнецова» Григорий Набойщиков

Цитируем: «Маловероятно, что его использовали в качестве простого переводчика при штабе, – Кузнецов был специалистом совершенно иного профиля. К тому же существует фотография, запечатлевшая разведчика в довольно необычной форме, чем-то напоминающей финскую. Однозначного заключения нет, но многие специалисты, в том числе и финские, а также советские участники Зимней войны говорят, что на этом фото Кузнецов одет в форму финского офицера» [12].

Николай Кузнецов скорее всего принимал участие в рейдах в тыл врага в составе лыжных разведывательно-диверсионных групп. Он был к этому хорошо подготовлен – наряду со знанием языка имел многолетний опыт работы в суровых таежных условиях**, прекрасно ориентировался в лесу, великолепно стрелял,

** Кудымкарский район, где работал в 30-е годы таксатором леса Кузнецов, относится к таежной области. Площадь этой тайги составляет 4.7 тысяч кв. км.

умел совершать длительные лыжные переходы. Как сибиряк хорошо переносил сильные морозы.

Рис. 10. Николай Кузнецов
в период Советско-финляндской войны

Кроме того, Кузнецов со своими коллегами участвовал в сборе и анализе информации о противнике для противодействия финской агентурной разведке на Ленинградском направлении.

Это была весьма сложная и трудоемкая коллективная работа, которая заключалась в проведении первичных допросов пленных, перебежчиков и захваченных агентов. Выполнялся сбор информации военного характера, включающей в себя номера войсковых частей, личные номера военнослужащих, фамилии командиров и количество военнослужащих в подразделениях, а также их вооружение. Изучалась захваченная штабная документация, карты, уставы, солдатские и офицерские книжки.

Документы переводились с финского на русский язык и оформлялись протоколами. По результатам боев, оперативно составлялись аналитические справки для командования. В результате полученные и обобщенные разведанные позволили советскому руководству, в ходе Зимней войны, сделать своевременные реорганизации в наступающих группировках.

Войска были усилены дополнительным числом соединений. В кратчайшие сроки было подготовлено решительное наступление на Карельском перешейке.

Отказавшись от плана прорыва обороны противника силами одного Ленинградского военного округа (план Мерецкова), Командование Красной Армии осуществило план Шапошникова, который заключался во внезапном мощном ударе с использованием сил других военных округов. Это произошло с 10 февраля по 13 марта 1940 г. в ходе второго этапа войны, который характеризовался полным превосходством Красной Армии над противником. Финская линия укреплений не выдержала мощного натиска советских войск и стала «рассыпаться» буквально в течение месяца.

Подписанный 12 марта 1940 года и вступивший в силу днём позже «Московский мирный договор», завершил кровопролитное противостояние. Финны потеряли безвозвратно около 25 тыс. человек. Потери Красной Армии составили в пять раз больше – 126 875 человек. При этом основные наши жертвы пришлись на первый, неудачный период войны. Но как бы тяжело ни протекала советско-финская война, она дала Красной Армии бесценный опыт. Многие специалисты сходятся во мнении, что не будь советско-финской войны, в первые месяцы гитлеровской агрессии против СССР нашей армии пришлось бы гораздо тяжелее.

Что касается Николая Кузнецова, то полученный опыт разведработы во время Зимней войны будет им успешно использован во время наступления советских войск под Москвой.

Глава III. МОСКВА ПРЕДВОЕННАЯ

Окончание Советско-Финляндской войны Николай Кузнецов встретил в Москве. В прошлом остались тяжелые, кровавые боевые действия в заснеженных леса Карельского перешейка. Есть информация, что за успешное выполнение боевых задач он был представлен к награждению орденом Красной Звезды. [13].

В 1940 году в Москве его ожидала очень сложная, опасная и ответственная оперативная работа в качестве специального засекреченного агента ГУ ГБ НКВД СССР [14].

В сентябре 1939 года была утверждена новая структура ГУ ГБ (Приказ 00641), состоящая из 7 отделов.

Важнейшей задачей Главного управления, которым руководил комиссар ГБ первого ранга В.Н. Меркулов (с 1941 года Нарком ГБ), являлось выполнение специальных заданий правительства по обеспечению государственной безопасности СССР. Целым рядом этих задач занимались второй и третий отделы ГУ ГБ.

Начальником второго (секретно-политического) отдела и третьего отдела (контрразведка) в сентябре 1939 года, был назначен майор ГБ Федотов П.В. Забегая вперед скажем, что это тот самый знаменитый «генерал Ф» на имя которого в марте 1944 года Кузнецов под псевдонимом «ПУХ» составит подробный отчет о своей работе на Западной Украине.

Заместителем Федотова был майор ГБ Л.Ф. Райхман. Секретно-политический отдел (СПО) состоял 12 отделений. 4 отделение возглавлял майор ГБ В.Н. Ильин. Мягкий с профессорскими манерами, Ильин пользовался большим уважением в НКВД. Он занимался работой с творческой интеллигенцией. Во время войны он был одним из разработчиков и участников блестяще проведенной радиоигры «Монастырь» против Генерального штаба Вермахта. В 1943 году подвергся необоснованным репрессиям. После смерти Сталина полностью реабилитирован [15].

Начальником 5-го отделения СПО в апреле 1940 года был назначен майор ГБ Журавлев М.И., прибывший из Коми АССР. Это был тот самый М.И. Журавлев, который ходатайствовал о переводе

Кузнецова в Москву. Отделение занималось разработкой литераторов, работников печати, издательств, театров, кино, деятелями культуры и искусства.

Кузнецов был принят в секретно-политический отдел, а затем находился в агентурной сети 1 (немецкого) отдела 2 Управления (контрразведка) НКВД СССР.

Первый отдел был главным во 2 Управлении и отвечал за работу с вражеской агентурой. Его кураторами были Л.Ф. Райхман, В.Н. Ильин, М.И. Журавлев.

По линии контрразведки с Кузнецовым работал заместитель начальника 1 отделения 3 (контрразведывательного) отдела старший лейтенант ГБ В.С. Рясной. Впоследствии генерал-лейтенант.

Все вопросы, связанные с использованием специального агента Кузнецова, получившего оперативный псевдоним «Колонист», а в дальнейшем «Пух», согласовывались лично П.В. Федотовым с Наркомом В.Н. Меркуловым.

Весьма любопытны воспоминания генерала В.С. Рясного о Кузнецове.

По его версии Кузнецов жил в Свердловской области и работал в совхозе. Рядом на хуторе жили немцы-колонисты. Николай познакомился с немецкими девушками и женился на одной из них. Отсюда такое знание немецкого языка.

Рис. 11. Нарком Меркулов В.Н.

Рис. 12. Генерал Федотов П.В. Рис. 13. Майор ГБ Ильин В.Н.

Рис. 14. Генерал Рясной В.С

Свердловские чекисты взяли на заметку Кузнецова и завербовали, для того, чтобы «освещать» в своих сводках этот хутор...

Рясной приписывает себе заслугу в приглашении Кузнецова в Москву. Цитируем: *«На Лубянке прошло совещание. Начальник отдела Федотов – умный человек, очень хороший чекист, не то, что другие, такие, как Райхман и вся эта сволочь, сказал – у нас туго с немецким языком. Давайте напишем в наши подразделения на местах, нет ли подходящих людей, чисто знающих немецкий? Так и сделали. Пришел ответ из Свердловска: есть такой парень. Симпатичный,мышленый, предприимчивый, активный. Давай вызовем его в Москву, – говорит Рясной Федотову. – Я с ним поясняюсь, и решим, как быть дальше»*

Далее Рясной сообщает, что в октябре 1940 года ему позвонили из приемной и сказали, что приехал товарищ из Свердловска. Спросили, где он с ним встретится. «Давайте ко мне в кабинет, его ведь никто не знает».

В такую версию сложно поверить. Приглашение агента на Лубянку – это грубейшее нарушение правил конспирации.

Но не будем торопиться. Теодору Гладкову Рясной выдвигает уже иную версию знакомства с Николаем Кузнецовым. Цитируем: «Появляться Кузнецову в нашем «Большом доме» было никак нельзя, поэтому я договорился с ним по телефону встретиться на площадке возле памятника первопечатнику Ивану Федорову. Узнали друг друга по описанию и приметам» [16–18].

Оставим на совести В.С. Рясного некоторую забывчивость и характеристики, которые он дает своим коллегам, а также фантазии про работу Кузнецова в совхозе, женитьбе на немке и знании какого-то «хуторского немецкого языка».

Важно, что генерал Рясной подробно рассказал о контрразведывательных операциях, в которых он участвовал вместе с Кузнецовым и подтвердил ряд интересных фактов. В частности, что Кузнецов в Москве работал с 1940 года, увлекался парашютным спортом, авиацией и даже сам садился за штурвал самолета. Следовательно, он владел профессиональными навыками пилота. Это очень важная информация. Она дает возможность дать ответ на еще одну не разгаданную тайну – посещение Кузнецовым штаба ВВС во Львове.

Мы к этому еще вернемся, когда будем рассматривать действия разведчика Кузнецова в феврале 1944 года.

Интереснейший и еще до конца не изученный московский период в жизни Кузнецова продлился 17 месяцев. Его можно разбить как бы на три этапа:

Первый этап – это выполнение оперативных заданий, связанных, в основном, с сотрудниками германского посольства, венгерской и словацкой миссией в Москве, а также участие в проведении ряда серьезных вербовочных комбинаций. Эта работа закончилась 22 июня 1941 года.

Второй этап продолжался до июня 1942 года. Это был очень тяжелый период в жизни Кузнецова. Он его называл в рапортах начальству «состоянием вынужденной консервации и полного бездействия в ожидании приказа».

С началом военных действий с фашистской Германией и ликвидацией германского посольства, словацкой и венгерской миссий, агент «Колонист» фактически остался не у дел.

Кузнецов неоднократно обращается к руководству с категорическими требованиями «использования его в активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу вторгшихся на нашу землю германских войск».

Из его рапорта от 2 июня 1942 года мы узнаем хронологию событий, происходивших с ним после начала войны. На его обращение к руководству от 25 июня 1941 года последовал ответ, что имеется перспектива переброски его за линию фронта.

В июле 1941 года ему сообщили, что ввиду некоторой известности его личности среди дипкорпуса «держав оси» в Москве до войны, во избежание бесцельных жертв, посылка его к немцам не является целесообразной и в приказном порядке велели ждать дальнейших указаний..

В сентябре 1941 года Начальник 2 управления НКВД СССР П.В. Федотов направляет рапорт Наркому НКВД В.Н. Меркулову с предложением по дальнейшему использованию агента «Колонист» для разведывательной и диверсионной работы в тылу врага.

Легендарный Кузнецов (загадки и тайны жизни и смерти).
Часть II. 1939–1942 гг.

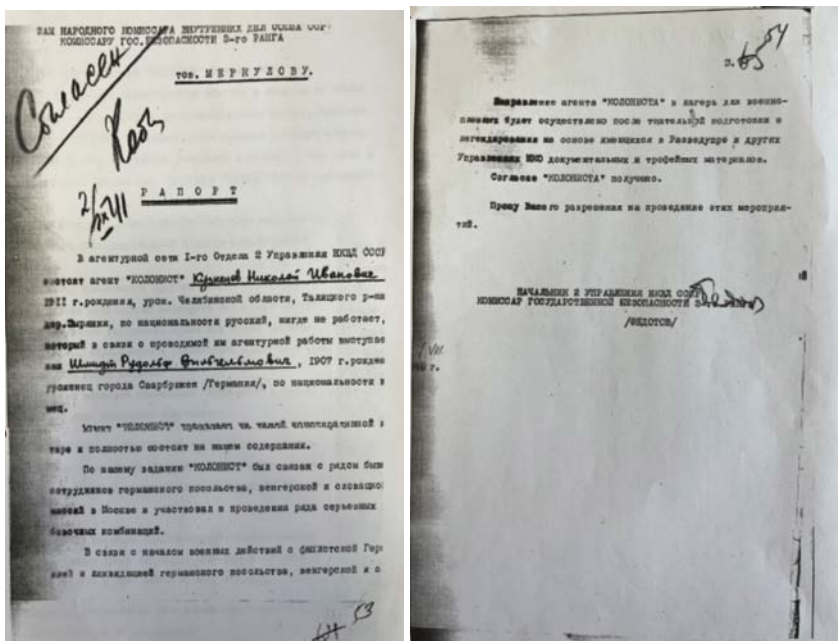

Рис. 15. Рапорт Н.В. Федотова

В рапорте Н.В. Федотова от **02.09.1941** г. говорится:

«В агентурной сети I Отдела 2 Управления НКВД СССР состоит агент «Колонист» **Кузнецов Николай Иванович**, 1911 года рождения уроженец Челябинской области, Талицкого района дер. Зырянка, по национальности русский, нигде не работает, который в связи с проводимой агентурной работы выступает как **Шмидт Рудольф Вильгельмович**, 1907 года рождения уроженец города Саарбрюкен /Германия/, по национальности немец».

Далее сообщается, что Кузнецов был связан с сотрудниками германского посольства и словацких и венгерских миссий в Москве и принимал участие в ряде серьезных вербовочных мероприятий. Кузнецов был квалифицированным агентом, являясь по своему внешнему виду, несмотря на русское происхождение, типичным немцем. Он в совершенстве владеет немецким языком, благодаря чему сотрудники посольств и миссий, в том числе и германского посольства, принимали «КОЛОНИСТА» за настоящего

немца». Федотов предлагает в целях тщательной подготовки к переброске в германский тыл направить агента «Колониста» в лагерь военнопленных германской армии под видом пленного диверсанта, сброшенного с германского самолета в прифронтовой полосе на нашей стороне «для приобретения всех нужных навыков среднего немца, усвоения характерных признаков и особенностей солдатской среды».

Хотелось бы обратить внимание на резолюцию Заместителя наркома внутренних дел, комиссара государственной безопасности 3 ранга Б.З. Кобулова: «Согласен». Это тот самый Б.З. Кобулов, который в июне 1943 потребует расстрелять Кузнецова за неудачное покушение на гауляйтера Украины Эриха Коха.

Следовательно, Николай Иванович Кузнецов, а никто иной, состоял в агентурной сети 1 (немецкого) отдела 2 Управления НКВД СССР и именно Николая Кузнецова готовили для работы в тылу врага.

Одновременно Федотов обращается к Начальнику Разведуправления Генерального штаба РККА А.П. Панфилову (письмо №2/1/22000 от 05/09/1941) и просит разрешения, на основе захваченных трофейных документальных и трофейных материалов, разработать соответствующие легенды для агентов «Колонист» и «Пауль», которых готовили к заброске в лагерь военно-пленных, а затем в глубокий тыл. Из этого письма мы узнаем, что в этой операции вместе «Колонистом» участвовал еще один советский разведчик – агент «Пауль», судьба которого остается тайной.

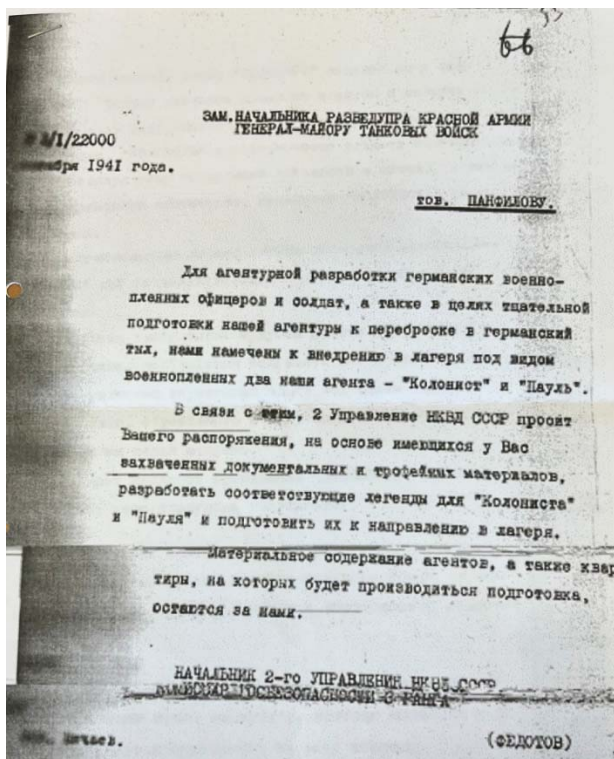

Рис. 16. Письмо Н.В. Федотова №2/1/22000 от 05/09/1941 г.

16 октября 1941 года Кузнецову было сообщено, что он включен в подпольную группу для работы в Москве на случай захвата ее немцами. Группой руководил Н.В. Федотов.

В конце осени 1941 года Николай Кузнецов серьезно заболел. После выздоровления, в начале 1942 года, его направляют в приемно-пересыльный пункт военнопленных, расположенный в Красногорске. Этот пункт, ввиду своего удобного географического положения, стал основным местом приема пленных, взятых во время наступления на центральном участке Западного фронта. Он находился недалеко от линии фронта, на северо-западной окраине Москвы, в 27 км от Кремля. Здесь же была сеть транспортных развязок – Волоколамское шоссе и Калининская железная дорога со станцией Павшино.

В марте 1942 года пункт преобразован в стационарный Красногорский особый офицерский оперативно-пересыльный лагерь №27.

За время нахождения Кузнецова в среде военнопленных он познакомился с бытом, привычками и обычаями солдат и офицеров вермахта. Это был уникальный опыт. Кузнецов не только нашел общий язык с заключенными, но даже стал победителем конкурса declamation немецкой поэзии.

Никто из плененных офицеров не сомневался в том, что он настоящий немец. Узнай они что Шиллера и Гете им читал советский разведчик, его ждал бы неминуемо самосуд.

После прохождения проверки в Красногорске Кузнецова направляют в распоряжение разведотдела штаба Калининского фронта.

Калининский фронт, которым командовал генерал-лейтенант И.С. Конев, в ходе контрнаступления советских войск под Москвой первым нанес 5 декабря 1941 года внезапный удар по 9 пехотной армии вермахта, которой командовал генерал-полковник Адольф Штраус. Это привело к крупному оперативному успеху Красной Армии.

Разведотдел штаба Калининского фронта, в ходе зимнего наступления 1942 года, стремился нарастить усилия разведки.

В январе–апреле 1942 года, в тыл 9 полевой армии вермахта, были выведены десятки диверсионных и разведывательных групп («Витязь», «Армеец», «Вихрь», «Владимир», «Ветеран», «Батарец») и маршрутчиков. К сожалению, большая часть из них погибла в ходе выполнения поставленных задач, и при преодолении линии фронта. Огромные людские потери были связаны тем, что органы управления оперативной разведки, так же как все вооруженные силы СССР, оказались плохо подготовлены к крупномасштабной войне с сильнейшим противником. Не хватало опыта – разведотделы были сформированы лишь после Зимней войны и специалистов, значительная часть которых погибла в годы репрессий.

С одной из разведгрупп в тыл был заброшен Николай Кузнецов со специальным заданием. Что это было за задание до сих пор остается тайной. Эта разведгруппа успешно выполнила задание и благополучно вернулась из-за линии фронта.

По результатам разведработы на агента «Колонист» пришла блестящая характеристика за подписью начальника Штаба Калининского фронта генерал-майора Захарова.

В феврале 1942 года руководство информирует Кузнецова о том, что перспектива его переброски к немцам снова стала актуальной. Состоялась беседа Кузнецова с Наркомом В.Н. Меркуловым, после чего было принято решение о том, что он **временно** передается из подчинения комиссара III ранга Федотова Н.В. в распоряжение майора ГБ Судоплатова П.А. – начальника IV управления НКВД – НКГБ, которое было специально создано для выполнения зафронтной разведывательной работы в тылу германо-фашистских войск и стран-сателлитов гитлеровской Германии (Приказ НКВД №00145 от 20 января 1942 г).

Начался третий, заключительный, этап московского периода разведчика Кузнецова, который был полностью посвящен разведподготовке для работы за линией фронта, а конкретно на временно оккупированной территории Западной Украины.

К этой работе П.А. Судоплатовым были подключены высококлассные профессионалы 2 отдела (диверсии и террор на оккупированных и угрожаемых территориях СССР) IV Управления: майор ГБ В.А. Дроздов, капитан ГБ А.С. Воталовский, капитан ГБ Л.И. Шашко (Олег Каминский), капитан ГБ П.Я. Зубов, лейтенант С.Л. Окунь, сержант Ф.И. Бакин.

Основной разведподготовки Кузнецова являлась разработка легенды – придуманной биографии, которая должна была помочь закрепиться и адаптироваться в немецкой среде. При этом легенда должна была составлена так, что в случае проверки она должна подтвердиться. Легенда для разведчика Кузнецова составлялась под руководством Саула (Сергея) Львовича Окуня по настоящим документам.

В ходе успешного контрнаступления советских войск под Москвой было разгромлено множество немецких частей и подразделений. В штабе одной такой части были обнаружены документы, принадлежащие погибшим офицерам. Это был огромный массив захваченных материалов, с которым началась кропотливая работа

специалистов по созданию легенды разведчика Кузнецова. Несколько комплектов личных дел офицеров показали Кузнецову, и он просто ахнул, изучив один из них.

Основным документом военнослужащего вермахта был Soldbuch (солдатская книжка) – одновременно удостоверение личности и расчетная книжка. Soldbuch содержал подробные персональные данные (рост, форма лица, цвет волос, цвет глаз, размер обуви и т.п.), название войсковой части, сведения о ближайших родственниках, выданное обмундирование и оружие, награды, прививки, пребывание в госпиталях, наличие очков, увольнительные свыше пяти дней и массу другой информации, которая тщательно проверялась полевой жандармерией

Приметы некоего обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, указанные в его солдатской книжке, а именно: рост, цвет волос, цвет глаз, размер обуви, даже группа крови полностью совпадали приметами Николая Кузнецова.

Единственное, что не сходилось, – возраст. Кузнецов родился 27 июля 1911 года, а настоящий Зиберт был ровно на два года моложе. Заметить такое различие в возрасте было просто невозможно, поэтому было принято решение за основу легенды использовать биографию обер-лейтенанта Зиберта.

В его Soldbuch необходимо было внести лишь запись о ранении, а Кузнецову досконально изучить биографию этого офицера и научиться расписываться как Зиберт, поскольку в солдатской книжке была строка «собственноручная подпись владельца».

Итак. Пауль Вильгельм Зиберт родился 20 июня 1911 года в Восточной Пруссии в родовом поместье Шлобиттен (ныне Слобиты, польск. Słobity) графа Рихарда цу Дона-Шлобиттена, потомка старинного графского рода Дона (Dohna), ведущего свою династию с VIII века.

Граф Александр цу Дона-Шлобиттен (1661–1728) был прусским фельдмаршалом, а графиня Фридерика Шарлотта Антония Амалия цу Дона-Шлобиттен (1738–1786) была прабабушкой по мужской линии короля Дании Кристиана IX и предком многих европейских монархов (королей Норвегии, Дании, Греции и Великобритании).

Отец Пауля служил в поместье помощником управляющего, а мать, урожденная Хильда Кюнерт, происходила из учительской семьи и работала прислужгой. С началом Первой мировой войны отец был призван в армию и погиб в 1915 году в Мазурском сражении. После его гибели граф Рихарда цу Дона взял на себя заботу о семье Зиберта, оплатил обучение Пауля и впоследствии назначил его на ту же должность помощника управляющего, которую занимал его отец.

Пауль продолжил профессию отца, поступив на лесное отделение реального училища практического сельского хозяйства в Эльбинге. Составители легенды, таким образом, учитывали гражданскую специальность Кузнецова

Весной 1936 году Пауль был призван в армию, окончил двухмесячные курсы ефрейторов в Кёнигсберге и за отличную учебу был аттестован унтер-офицером. Согласно ходатайству графа Дона, имевшего генеральский чин, молодого унтера переводят в резерв первого разряда, он возвращается в Восточную Пруссию и граф назначает его своим торговым агентом (*Handelsangestellter*). В 1937 году умерла мать Пауля. Чуть позже он познакомился и обручился с дочерью тамошнего землемера Лоттой Шиллер.

В конце августа 1939 года Зиберт был призван из Кенигсберга в вермахт и зачислен в 230-й пехотный полк 76-й пехотной дивизии, сформированной в рамках второй волны мобилизации из прусских резервистов на территории 3-го военного округа со штабом в Потсдаме.

Его учетный номер 13/18/110, номер опознавательного жетона – Rū – Zn – X-4, группа крови «А». Участвовал в польском походе, отличился в боях. Награжден 10 сентября 1939 года Железным крестом второго класса, а в ноябре аттестован фельдфебелем.

До марта 1940 года служил на оккупированной территории Польши, затем его часть была перебросена на Запад. Принимал участие в боях во Франции. 23 июня 1940 года был контужен и ранен разрывом гранаты. Несколько недель находился в госпитале, затем переведен в Берлин, в команду выздоравливающих. По состоянию здоровья осенью 1940 года уволен из армии и вернулся в имение князя Шлобиттена.

В августе 1940 года Зиберту был вручен Железный крест первого класса и нагрудный знак «За ранение». После нападения на Советский Союз, Зиберта снова призвали в вермахт и аттестовали лейтенантом.

До этого момента разрабатываемая легенда полностью соответствовала биографическим данным реального Зиберта. Далее была реализована блестящая идея. Она позволила Николаю Кузнецову в течение почти двух лет беспрепятственно входить в любую организацию оккупационных властей, иметь на руках большие денежные суммы и обладать полным алиби на сколь угодно долгое пребывание не только во временной столице Украины городе Ровно, но и в других городах и поселках прифронтовой зоны.

Согласно легенде, Пауля Зиберта вновь призывают, производят в обер-лейтенанты и направляют через отдел комплектования в Виртшафтскомmando (Wirtschaftskommando), сокращенно «Викдо». Дело в том, что в вермахте для раненых после излечения предусматривался специальный отпуск. Начальник отдела комплектования мог задержать выздоравливающего офицера в своем распоряжении на срок до девяти месяцев. В случае обер-лейтенанта Зиберта было решено, что его назначают на должность уполномоченного хозяйственно-экономического отдела по использованию и доставке материальных ресурсов (леса) на оккупированной местности СССР в интересах германской армии. Район, обозначенный в его командировочном удостоверении, проходил по маршруту Чернигов – Киев – Овруч – Дубно – Ровно. Таким образом, согласно изготовленному командировочному предписанию, он мог находиться в Ровно не на постоянной основе, а временно бывать по служебным делам.

Разработчикам легенды было известно, что к интендантам в вермахте относились, мягко говоря, плохо. Их называли тыловыми крысами. Что бы сохранить репутацию боевого офицера, у Пауля Зиберта имелось подлинное Свидетельство о награждении его двумя Железными крестами, подписанное в 1940 году лично командиром 76 пехотной дивизией генерал-лейтенантом Максимилианом де Ангелис.

Безопасность Кузнецова по легенде обеспечивалась на период его заброски в тыл (1942 год) тем фактом, что 230 пехотный полк

76 пехотной дивизии, в котором служил настоящий Зиберт, был полностью уничтожен под Москвой зимой 1941 года, а его штабные документы захвачены Красной Армией.

В ходе Сталинградской битвы была разгромлена и вся 76 пехотная дивизия, а ее новый командир, генерал-лейтенант Карл Роденбург, 31 января 1943 года добровольно сдался в плен советским войскам вместе со своим штабом.

Это давало основание быть уверенным в том, что проверить личность Пауля Зиберта обычным путем было невозможно.

Проверка могла быть организована только через Берлин, но это могло произойти в том случае, если Зиберт вызвал бы очень серьезное подозрение своим поведением.

Все документы, обосновывающие легенду для Кузнецова – Зиберта (военный билет, зольдбух, идентификационный жетон, регистрационный лист, регистрационный номер, водительские права вермахта), были изготовлены в так называемом «паспортном столе» ГУ ГБ НКВД СССР антифашистом Георгом Мюллером и Павлом Георгиевичем Громушкиным. Они были сработаны безупречно. Процесс этого изготовления – самый сложный в разведке. Для этого в арсенале «паспортного стола» имелись целые альбомы печатей, штампов, различных видов иностранного производства бумаг, красок, чернил, мастик, карандашей и скрепок.

Документы не только надо было изготовить, но и знать порядок их выдачи в рейхе.

Фотографии на документы Кузнецова печатались только на немецкой фотобумаге, приклеивались немецким клеем. Записи производились немецкими чернилами, для штампов использовалась специальная немецкая мастика.

Чтобы сделать запись в солдатской книжке Зиберта о присвоении ему очередного воинского звания гауптмана, документ самолетом отправили из ровенских лесов в Москву. Эту запись сделал лично Павел Громушкин и поставил соответствующую печать в его Soldduch [19].

Забегая вперед, сообщим, что за полтора года деятельности Зиберта в тылу врага его документы проверялись (в том числе офицерами личной охраны в рейхскомиссариате гауляйтера Украины Эриха Коха) около 100 раз и ни разу не вызвали подозрений.

Глубоко убежден в том, что если бы не предательство советских партийных руководителей на Украине, сотрудничавших с СД, Кузнецова никто не смог бы разоблачить как советского разведчика.

Несколько месяцев П.А. Кузнецов, под руководством Судоплатова, проходил интенсивную подготовку к выполнению разведывательно-диверсионной работы на временно оккупированной территории Западной Украины. Его готовили исключительно как разведчика. Главной его задачей был не террор и ликвидация, а глубокая разведка. Он должен был под видом немецкого офицера в столице Украины г. Ровно добывать стратегическую информацию о расположении штабов и административных учреждений немцев, выявлять местонахождение и маршруты перемещения высших чинов оккупационных властей.

Московский период в жизни Кузнецова закончился в ночь на 25 августа 1942 года, когда с подмосковного аэродрома он вылетел на выполнение самого главного в своей жизни боевого задания, которое он будет выполнять под видом пехотного офицера вермахта обер-лейтенанта Пауля Зиберта.

В его прорезиненном рюкзаке, завязанным специальным узлом, который мгновенно развязывался даже намокшим, находилась аккуратно сложенная форма пехотного офицера вермахта, белье с немецкими этикетками, сапоги «Offizierschuh», документы на имя обер-лейтенанта Пауля Зиберта, изготовленные в «паспортном столе» IV Управления НКВД СССР, пистолет «Parabellum P.08», золотой перстень с вензелем PS (Paul Sibert) складной нож, немецкий сухой паек, психостимулирующие таблетки «кола» (засекречены до сих пор), фляга со спиртом, бритвенный прибор и лезвия «Fanal» фирмы «Zolingen». В пуговице комбинезона была вшита шелковая ткань с паролем для командира отряда «Победители», а карманы набиты патронами для автомата ПППШ.

Это все произойдет через два года. Весной же 1940 года, после окончания Зимней войны, Николай Кузнецов возвращается из Ленинграда в Москву. Он входит в курс дел, знакомится со своими кураторами и обживаетеся в столице.

Спецслужбы Советского Союза в 1940 году были нацелены на немецком направлении. Руководство советской разведки отлично понимало, что несмотря на подписанный в Москве 23 августа

1939 года Договор между Советским Союзом и Германией о ненападении, окончившаяся Зимняя война с Финляндией, может послужить спусковым крючком к нападению Германии на Советский Союз.

В Европе уже полыхал пожар Второй мировой войны. В апреле 1940 года немецкая армия вторглась в Данию и Норвегию. В мае в Бельгию, Голландию и Люксембург. В июле немцы вошли в Париж. 27 сентября 1940 года был подписан Берлинский пакт о Союзе Германии, Японии (Ось Берлин – Рим – Токио), к которому присоединились Венгрия, Румыния, Словакия и Болгария.

В Москве «Берлинский пакт» рассматривался как угрожающий интересам СССР.

Германское руководство, чтобы усыпить бдительность советского Правительства, направило разъяснение, в котором убеждало лично Сталина в том, что об ущемлении интересов СССР речь не идет. Более того, министр иностранных дел Германии Риббентроп пригласил наркома иностранных дел Молотова прибыть в Берлин. Советская делегация во главе с Молотовым прибыла в Берлин 12 ноября 1940 года. В течение трех дней велись переговоры, которые включали и двухчасовую беседу Молотова с Гитлером. Во время беседы Гитлер предложил Москве присоединиться к Берлинскому пакту и принять участие в разделе мира.

Это была грандиозная дезинформационная операция прикрытия захватнических планов нацистов. Они в это время уже заканчивали разработку плана нападения на СССР, который получил название «Барбаросса». Этот план был подписан Гитлером 18 декабря 1940 года через месяц после приема советской делегации.

Нацистам удалось достичь определенных результатов в дезинформации советского руководства о планах Германии. Это являлось заслугой специального разведывательного бюро Риббентропа, которое замыкалось на МИД Германии и действовало гораздо эффективней, чем абвер и служба безопасности Германии (СД).

Советские спецслужбы пытались активно противодействовать немецкой агентуре и агентуре стран сателлитов Германии. В этих операциях советской контрразведки непосредственное участие принимал особо засекреченный, специальный агент ГУГБ СССР Николай Кузнецов.

П.А. Судоплатов отмечал: «...Красивый блондин, он мог сойти за немца, т.е. за советского гражданина немецкого происхождения. У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностранным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета» [15].

Удивительно быстро в Москве произошло перевоплощение Николая Кузнецова из бывшего таксатора леса в глухом таежном краю Коми в обаятельного, образованного и пользующегося неизменным женским вниманием Рудольфа Шмидта – этнического немца, инженера-испытателя Московского авиационного завода №22 имени С.П. Горбунова.

Для зашифровки проводимых оперативно-розыскных мероприятий 19 отделом милиции города Москвы был выписан 10.01.1940 года паспорт Х-РТ №652385 на имя Рудольфа Вильгельмовича Шмидта 1912 года рождения сроком на пять лет.

Рис. 17. Паспорт, выписанный Кузнецову на имя Рудольфа Шмидта

Этот паспорт находится в открытом доступе и по нему имеются вопросы. В графе 2 – время и место рождения указано: 1912 год. Уроженец хутора Маракинского Талицкого района Челябинской области. Однако, в рапорте на имя Зам. Наркома НКВД СССР Меркулова Начальник 2 Управления Федотов сообщает, что Николай Иванович Кузнецов, в связи с проводимой им агентурной работы, выступает как Шмидт Рудольф Вильгельмович, 1907 года рождения, уроженец города Саарбрюкен/Германия/.

Далее. На этом паспорте нет подписи владельца, а личная подпись является обязательным реквизитом паспорта, заполняемом при его получении. Отсутствие подписи означает, что владелец его не получал. Тогда возникает – что за паспорт выложен в открытом доступе?

Рудольфу Шмидту был так же оформлен пропуск с правом посещения цехов Московского авиационного завода №22 имени С.П. Горбунова. Такие документы оперативного прикрытия были предоставлены Кузнецову

На авиационном заводе №22, расположенном в Филях, производился крупнейший в мире самолет АНТ-20бис, самолет КАИ-1, бомбардировщики ДБ-А, скоростной тяжелый бомбардировщик ТБ-7 (Пе-8), В 1940 году завод приступил к созданию пассажирского самолета ПС-84/Ли-2 и бомбардировщика Пе-2. По мнению Сталина этот завод для обороны Страны имел не меньшее значение, чем целый армейский корпус.

С целью вживания в легенду прикрытия Кузнецов посещал это предприятие, знакомился с производством и даже занимался в заводской летной школе, которую основал Семен Залманов. Вот откуда у него были навыки пилотирования, о которых сообщил генерал Рясной.

Чтобы выглядеть своим в среде московского высшего общества Кузнецову требовалось многому учиться. В этом ему помогла прима-балерина Большого театра, сотрудничавшая с советской разведкой. Утверждают, что это была несравненная Ольга Лепешинская, талантом которой восхищался сам Сталин.

Именно она, убежденная коммунистка, стала наставником Кузнецова, которому в жизни везло на прекрасных учителей. В далеком Свердловске он совершенствовал немецкий язык и познавал немецкую культуру под руководством выдающегося педагога

Ольги Михайловны Веселкиной, а в Москве блистательная балерина Ольга Васильевна Лепешинская научила его разбираться в балете, музыке и живописи, давала уроки этикета, учила правилам обхождения с женщинами.

Удивительно, но факт – Ольга Лепешинская, на вручении ей в Кремле Сталинской премии 22 апреля 1941 года, познакомилась с куратором Кузнецова Л.Ф. Райхманом, за которого вскоре вышла замуж.

Рис. 18. Ольга Васильевна Лепешинская

Щеголеватый старший лейтенант ВВС Рудольф Шмидт привлекал к себе внимание в обществе. Летчики всегда пользовались уважением и любовью. Он быстро стал известен в кругу столичной богемы, в которую входили художники, артисты, и дипломаты. Производил впечатление сильной личности, которая для мужчины может стать надежным другом, а для женщины страстным любовником.

При разработке операций с участием Кузнецова советской контрразведкой учитывалось, что перед войной Москву постоянно посещали многочисленные немецкие делегации, в составе которых всегда находились представители спецслужб, активно занимавшиеся сбором информации о военном потенциале СССР

Этнический немец Рудольф Шмидт, специалист в области авиации, представлял интерес для немецких разведчиков, работающих в Москве под дипломатическим прикрытием.

В свою очередь Кузнецову необходимо было знать о контактах иностранных дипломатов и искать к ним подходы. Для этого необходимо было завязывать знакомства, посещать театры, выставки, рестораны, салоны, антикварные и комиссионные магазины.

Раскроем имена некоторых иностранных дипломатов, с которыми контактировал Николай Кузнецов. Это личный камердинер посла Германии в СССР Ганс Флигель и его супруга Ирма. Третий секретарь посольства Мюллер и сотрудник посольства Шредер. Военно-морской атташе, фрегатен-капитан Ноберт Вильгельм Баулбах. На квартире Баулбаха Кузнецову удалось сфотографировать всю агентурную немецкую сеть в СССР.

В ходе оперативной разработки «Туристы» Кузнецов полгода встречался с женой арестованного немецкого шпиона Розой Борк [20].

Кузнецов участвовал в перехвате немецкой дипломатической почты у дипкурьеров, которые останавливались не в немецком посольстве, а в московских гостиницах «Метрополь» и «Националь». При этом действовал он более профессионально, чем его куратор из контрразведки В.С. Рясной, который попался во время проведения тайной операции на квартире дипломата.

Перед войной советской контрразведке удалось подобраться к японским шифрам. Николаю Кузнецову, участвовавшему в этой операции, удалось завязать дружеские отношения с секретарем военного атташе Сасаки и сотрудником посольства Такояло. Было установлено, что японские дипломатические миссии обменивались между собой текущей информацией, минуя свой Центр в Токио. При этом японское посольство в Москве регулярно поддерживало связь с японскими консульствами в Вене, Хельсинки, а также представительствами в Румынии, Турции, Италии.

Благодаря блестящей агентурной разработке и кропотливой работе шифровальщиков советская разведка получила полный доступ к японской шифропереписке и разведывательной информации милитаристской Японии- одной из ведущих Стран Оси.

Кузнецовым был завербован советник дипломатической миссии Словакии Гейза-Ладислав Крно, установлены личные контакты с сотрудником посольства Норвегии Хребернимком и горничной

посла Норвегии, сотрудником посольства Венгрии Шварце, сотрудником шведской авиакомпании Левенгагеном, американским корреспондентом в Москве Джеком Скоттом, горничной посла Ирана и представителем иранской торговой делегации Маре.

В марте 1941 года Кузнецов информирует о точной дате нападения Германии на Советский Союз, а 3 июня 1941 года сообщает: «Посол Германии граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург, возглавлявший посольство с 1934 года, собирается в ближайшее время покинуть Москву и уйти на пенсию осенью этого года». Информация Кузнецова подтверждала сообщение советской разведчицы Зои Рыбкиной, побывавшей по поручению Федотова 17 мая 1941 года на приеме в немецком посольстве и сообщившей, что посольство готовится к отъезду.

П.А. Судоплатов отмечал: *«Кузнецов, всегда получал максимум информации не только от дипломатических работников, но и от друзей, которых заводил в среде артистов и писателей. Его личное дело содержит сведения о нем, как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами».*

Рис. 19. Полковник внешней разведки СССР
З.И. Воскресенская (Рыбкина)

Высоко оценивал работу Кузнецова и В.Н. Ильин. Он даже предложил рассмотреть его кандидатуру на должность администратора Большого театра.

Несмотря на то, что руководители разведки в своих воспоминаниях приписывали Кузнецову славу «московского Казановы» – неотразимого любовника знаменитых артисток и балетных звезд, сам Кузнецов был влюблен в светскую львицу, художницу и яркую представительницу московской богемы Ксану (Ксению) Оболенскую.

Эта романтическая история окутана тайной, которую на страницах своих книг пытались приоткрыть сестра Николая Кузнецова Л.И. Брюханова, его родной брат Виктор, племянница Елена Сакныне, писатели Т.К. Гладков, Н.М. Долгополов, А.И. Колпакиди, Д.Н. Медведев и А.В. Цессарский.

Естественно, к этой истории и сейчас проявляется интерес и возникает масса вопросов.

Глава IV. ТАИНСТВЕННАЯ КСАНА ОБОЛЕНСКАЯ

Что известно о Ксане Оболенской? На тот момент ей было около 30 лет. Она жила на Петровке, рядом с Петровским пассажем и старейшим московским катком (Петровка 26/9), о котором писал Юрий Нагибин : «...каким-то чудом его серебряное блюдо уместилось в густотище застроенного-перестроенного центра Москвы... где город расступился и с голландской щедростью дарит своим гражданам чистое пространство льда».

Вот на этом знаменитом «пространстве льда», зимним вечером 1940 года, Кузнецов познакомился с красивой, стройной блондинкой очень похожей на Марлен Дитрих. Утверждают, что она имела дворянские корни и вела светский образ жизни. За ней ухаживали многочисленные поклонники, в том числе из мира театра и кино. В ее просторной квартире собирались художники, артисты, музыканты, известные в стране люди. Это был такой литературно-художественный кружок, напоминающий дореволюционные московские салоны.

Москва всегда была знаменита своими литературно-художественными, музыкальными, философскими салонами. Впервые они появились в конце XVIII века. Первоначально их посещение было привилегией дворянства, но постепенно их состав менялся и завсегдатаями салонов становились люди творческие – поэты, писатели, музыканты, художники. Известны знаменитые московские салоны Писемского, Островского, физика А.Г. Столетова, Танеева, Аделаиды Герцык и Рашели Хин. Литературные салоны объединяли людей из самых разных социальных общностей. В одном салоне могли встречаться и общаться дипломаты и юристы, писатели и чиновники. Они знакомились с новинками литературы, философской и общественной мысли. Это было важным процессом для развития и поддержания отечественной культуры.

Завсегдатаями салонов были самые известнейшие люди не только Москвы, но и России – А.К. Толстой, А.Ф. Кони, М. Волошин, С.Есенин, М. Цветаева и многие другие.

Такие салоны существовали в России вплоть до революции 1917 года.

Революция, затем Гражданская война, эмиграция многих деятелей культуры положили конец большинству литературных кружков и лишь единицы из них продолжили свою недолгую деятельность. Среди них московский «Цех поэтов», который был закрыт в 1925 году и салон «Никитинские субботники» на квартире литературоведа Е.Ф. Никитиной. В нем принимали участие литераторы, филологи, художники профессора и выпускники Московского университета. Он просуществовал до 1933 года.

Московский бомонд в предвоенный период представлял собой довольно узкий круг лиц, как правило, людей творческих профессий, приближенных к власти и имевших доступ к сильным мира сего.

После большого террора 1937–1938 годов власть пытались демонстрировать некоторую лояльность и не препятствовала возрождению в Москве такой формы общения известных представителей творческой интеллигенции, как литературные салоны, но они контролировались органами госбезопасности, в том числе и потому, что их гостями довольно часто были иностранные дипломаты, увлекавшиеся в Москве светской жизнью.

В ГУ ГБ НКВД работу с интеллигенцией курировал В.Н. Ильин, который был непосредственным руководителем Кузнецова. Поэтому знакомство Кузнецова с Ксаной скорее всего было не случайным, а некой операцией контрразведки по внедрению в элитарное общество. Их познакомила художница, подруга Ксаны. Он был представлен как летчик-испытатель Рудольф Шмид (можно просто – Руди).

Легендарная фамилия Шмидт в то время гремела по всей Стране. Историю мятежного черноморского лейтенанта Петра Петровича Шмидта и знаменитого полярника, академика Отто Юльевича Шмидта, Героя Советского Союза знал каждый школьник.

В элегантном спортивном костюме и финской шапочке Руди произвел благоприятное впечатление на Ксану, был приглашен в гости, стал завсегдатаем этого салона и... влюбился в ее хозяйку. Такое развитие событий точно не входило в планы контрразведки...

Салон Ксаны Оболенской пользовался популярностью у известных деятелей искусства. Там Кузнецов познакомился со знаменитым артистом Михаилом Жаровым и прославленным кинорежиссером и военным кинооператором Романом Карменом, вернувшимся из сражающейся Испании.

Теперь о самой хозяйке салона. С трудом верится, что в конце тридцатых годов, в Москве, среди советской элиты, могла появиться женщина с громкой дворянской фамилией, имеющей отношение к древнейшему русскому княжескому роду Оболенских, которые вели свою родословную от Рюрика. Это было равносильно самоубийству. В те суровые и страшные времена представители бывшего дворянства не только тщательно скрывали свою родословную, но старались поменять свои громкие фамилии. Даже знаменитейшая актриса Любовь Орлова никогда не говорила о своем дворянском происхождении.

Поэтому «Оболенская» – это скорее всего лишь красивый псевдоним известной московской актрисы и талантливой художницы Ксении Васильевны Ш. Знающие люди намекали, что в силу известности, настоящую фамилию этой женщины лучше не называть.

Рис. 20. Ксана Оболенская

Со слов самой Ксаны, Кузнецов при первом знакомстве, не произвел на нее особого впечатления. Да, интересный человек, летчик, носит знаменитую фамилию, но в ее окружении были и более яркие

личности. А вот Николай влюбился и очень серьезно. Он красиво за ней ухаживал. Когда Ксана заболела, постоянно старался быть был рядом. Передавал через домработницу ее любимые фиалки, забавлял разными интересными рассказами, и постепенно сердце московской красавицы оттаяло, и они стали встречаться. Ксана бывала у него в гостях.

Кузнецов в то время жил в отдельной двухкомнатной квартире, в восьмизэтажном кирпичном доме №20 на улице Маркса (бывшая Новая Басманная), рядом с недавно открывшейся станцией метро «Курская».

В доме, построенном в 1934 году по индивидуальному проекту, был лифт, мусоропровод, центральное отопление, установлены телефоны. Квартира находилась на седьмом этаже первого корпуса пятого подъезда. Для Москвы 1940 года, когда на «испорченных квартирным вопросом москвичей» приходилось всего лишь 4 м.кв жилплощади на человека, это были просто шикарные условия, но это была конспиративная квартира ГУ ГБ, начиненная спецтехникой. Об этом, естественно, никто из его гостей не знал.

Генерал Рясной утверждает, что в этой квартире он был прописан под фамилией Семенов, а Кузнецова прописал как своего родственника. Конечно он лукавит. Москва являлась режимным городом первой категории, и прописка иногородних родственников была запрещена. В Москве прописывали только в случае приглашения учебного заведения или предприятия. Кстати, Кузнецова в Москве не прописали бы вообще. Всем отбывшим срок лишения свободы, а Кузнецов был дважды судим, прописка в Москве была категорически запрещена.

Пропиской Кузнецова в Москве занимались сотрудники второго управления НКВД СССР и он был прописан в ней как Рудольф Вильгельмович Шмидт.

Надо заметить, что Кузнецов в Москве проживал еще на нескольких конспиративных квартирах. В частности, в Непрудном переулке дом 10 кв. 8. и на улице Усачевка, дом 19. Именно эти адреса фигурировали в сводках наружного наблюдения контрразведки, осуществлявшей слежку за Николаем Кузнецовым, которому были присвоены клички «ЩЕГОЛЬ» и «АТЛЕТ»

В квартире на улице Маркса Ксану поразило наличие большого количества книг, брошюр и журналов на немецком языке и то, что по телефону Кузнецов постоянно говорил по-немецки.

История этой любви была омрачена с ее стороны сомнениями, подозрениями и просто ревностью. Она несколько раз видела Кузнецова в обществе красивых женщин, с которыми он общался на немецком языке. И хотя биографы Кузнецова в один голос утверждают, что этого не могло быть, сообщим следующее.

Друг юности Кузнецова Федор Александрович Белоусов подтвердил, что когда он приехал в Москву из Свердловска в командировку для сдачи в главк годового отчета, то на улице Горького столкнулся с Николаем Кузнецовым. Он шел под руку с красивой женщиной, и они что-то обсуждали, весело болтая на немецком языке. Так что у Ксаны были серьезные основания для ревности, сомнений и опасений.

В те времена человек, контактирующий с иностранцами, автоматически попадал под недремлющее око органов и последствия могли быть весьма печальны.

Их отношения – крайне деликатная тема и относиться к ней надо осторожно. Тем не менее, писатель Т.К. Гладков был уверен, что: *«...после начала Великой Отечественной войны Оболенская сразу смекнула, что контакты с немцем могут погубить ее карьеру и сделала все чтобы они расстались»*. Этой версии придерживается и писатель А.И. Колпакиди.

Сочувственное и уважительное отношение к Ксане высказывали брат, сестра и племянница Николая Кузнецова.

И они были правы. Ксана не только не изменила свое отношение к Кузнецову после начала войны, но и заботилась о нем. Она единственная пришла ему на помощь, когда он длительное время в конце 1941 года тяжело болел, а с питанием в Москве было плохо. Ксана, получавшая хороший паек, носила под бомбежками передачи Кузнецову в больницу.

Вместе с тем, надо учитывать какое это было время. Сразу после начала войны вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселения немцев, проживающих в районах Поволжья». Советское Правительство считало, что среди немцев «имелись тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов».

В сентябре было депортировано в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии почти полмиллиона человек. В последующие месяцы депортация коснулась почти всего немецкого населения, проживающего на территории Европейской России и Закавказья. Был выселен почти один миллион человек. Из Москвы были выселены практически все граждане немецкой национальности.

Это не коснулось немца Рудольфа Шмидта, но холодок недоверия у Ксаны к нему был.

Они оба остались в осажденном городе. Жизнь в столице коренным образом изменилась. Москва опустела. В ее просторной квартире больше не собирались друзья и знакомые. Одни ушли на фронт, и многие погибли, другие уехали в эвакуацию. Обыденными стали постоянные налеты, воздушные тревоги, комендантский час, патрулирование красноармейцами улиц и площадей, заклеенные перекрещивающимися бумажными лентами окна домов, обязательное соблюдение затемнения. Электричество давалось в дома лишь на непродолжительное время. Были закрыты все кафе и рестораны, кроме гостиниц высшего класса «Гранд Отель», «Националь» «Москва». Продукты населению отпускались исключительно по талонам, а нормы военного времени были очень скудны.

Их встречи были очень редкими, но они были вместе на пасхальном богослужении в Богоявленском соборе в ночь с 4 на 5 апреля 1942 года. Тогда впервые с начала войны, для празднования пасхи, по приказу военного коменданта Москвы, на сутки в столице был отменен комендантский час. (Информация том, что Кузнецов постоянно ходит в церковь и лично знаком с митрополитом Сергием фигурировала в сводках наружного наблюдения).

Когда немцев отогнали от столицы, в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина 12 июля 1942 года открылась выставка «Работы московских художников в дни Великой отечественной войны». Экспонировалось 585 произведений 122 художников. Они посетили эту выставку, а потом целый день гуляли по городу. Так отметили день рождения Николая Кузнецова, которому накануне исполнился 31 год, и он пообещал Ксане, что в первый же день после Победы они сыграют свадьбу. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться.

Последняя их встреча состоялась 24 августа 1942 года перед отлетом Кузнецова в тыл врага. Он на несколько минут забежал к ней на Покровку проститься. Писатели Гладков и Колпакиди утверждают, что они попрощались очень холодно.

Но вот что об этом рассказывает сама Ксения. Кузнецов появился у нее дома перед отъездом в куртке десантника и немецких галифе, обшитых кожаными вставками. Она его упрекнула - ты так долго не был. Он ее обнял и сказал, что завтра его уже не будет в Москве. Он улетает. Она испуганно отвернулась и, как сама потом призналась, подумала, что он все-таки, наверное, немецкий шпион и собрался бежать из Москвы. Его последними словами были: «Опять ты мне не веришь. Снова подозреваешь. Я не смогу писать тебе до конца войны, но если не вернусь – ты обо мне услышишь...»

Можно лишь представить состояние этих людей в тот момент. Кузнецов понимал, что они прощаются навсегда. Но даже в эти последние минуты он не имел права назвать дорогому ему человеку своего настоящего имени. Не мог сообщить номер полевой почты, просить писать и обещать отвечать на ее письма. Брату Виктору он оставил записку, что в случае отсутствия от него известий, ему следует обратиться в приемную НКВД на Кузнечном мосту, 24. Ксане он и этого не мог сказать в последнюю минуту.

Эта история имела свое продолжение. Зимним вечером, в канун Нового, 1945 года, в квартиру к Ксане позвонил командир партизанского отряда «Победители», полковник Д.Н. Медведев. Он пришел выполнить просьбу своего погибшего боевого товарища и рассказать женщине, которую так сильно любил Кузнецов, о нем правду. Эта встреча до сих пор вызывает споры у писателей и биографов Кузнецова. Т.К. Гладков убежден, что встреча была очень холодной. А.И. Колпакиди считает, что после этого визита у Медведева случился сердечный приступ.

Откуда получены такие сведения - непонятно. Про этот визит Медведев ничего не написал. Его жена, Татьяна Ильинична, утверждает, что никому, в том числе и ей, он о встрече с Ксаной не рассказывал и от вопросов уходил. Здесь так же полно загадок.

Д.Н. Медведев и А.В. Цессарский рассказывали, что в партизанском отряде Кузнецов тепло отзывался о своей возлюбленной.

Находясь за линией фронта, всякий раз, когда он уходил на задание в оккупированный немцами Ровно, он оставлял Медведеву прощальное письмо с надписью «вскрыть в случае моей смерти». Медведеву это очень не нравилось, и он даже как-то сказал, что с таким «похоронным настроением» нельзя уходить на выполнение боевого задания.

При всем огромном опыте контрразведчика, даже Медведев не мог себе представить той меры опасности, которой ежесекундно подвергался Кузнецов. Одно не осторожное слово, какая-нибудь не учтенная мелочь, могли стать роковой ошибкой, цена которой была его жизнь. Чуть-чуть перефразируя Веронику Долину, можно сказать про Кузнецова: «...не приближаясь, стороной он шел по кромке. По самой кромке от взрывной его воронки...»

В конце 1943 года Кузнецов узнал, что якобы Ксения вышла замуж за командира Красной Армии с русской фамилией. Очень сильно переживал. Уходя на свое последнее задание во Львов, он просил Медведева, в случае его гибели, разыскать в Москве Ксению, рассказать о нем правду и передать, что он ее любит. Не исключено, что он оставил Медведеву для нее письмо.

Медведев эту просьбу выполнил. После излечения в госпитале и награждения его Золотой звездой Героя Советского Союза он побывал в гостях у Оболенской. Родственники Николая Кузнецова, рассказавшие эту историю любви, очень деликатно отзывались как о самой Ксане Оболенской, так и об этой встрече с Медведевым.

Понятно, что на этой встрече состоялся очень тяжелый разговор. Можно понять состояние Ксаны.

Представьте – зимним вечером к ней приходит совершенно незнакомый ей полковник госбезопасности, Герой Советского Союза и начинает рассказывать вещи, которые не укладываются в голове. Молодого человека, который ей нравился и с которым она встречалась еще до войны и знала как Рудольфа Шмидта – летчика и этнического немца, а после начала войны подозревала, что он немецкий шпион, оказывается, зовут Николай. Он русский. Разведчик. Воевал в тылу врага. Погиб. Герой Советского Союза.

Ошеломленная услышанным, она молча сидела, обхватив голову руками. Слушала, верила и не верила гостю. Осознать все это сразу было действительно не просто.

После их последней встречи прошло более двух лет. Это были тяжелейшие годы страшной, кровопролитной войны, которая перевернула и искалечила жизнь миллионам людей. Довоенная жизнь казалась сном. За эти годы она не получала от него никаких известий. Он исчез из ее жизни. Она боялась об этом думать, но сама мысль о том, что Руди может работать на немцев была невыносима... Все это ставило крест на их прошлом и делало невозможным будущее.

Можно лишь представить какой не простой была эта беседа. Однако предположить, что Ксана заявила гостю, как пишет А.И. Колпакиди, что ничего слышать про Кузнецова не желает и никогда его не любила [21] невозможно по одной простой причине. Она была воспитанной и очень умной женщиной. И еще. Она была хорошей актрисой и умела себя держать в руках.

Кузнецов улетал за линию фронта с тяжелым сердцем. Для Ксаны он остался немцем Руди Шмидтом, общение с которым ей могло бы принести только несчастье. Он все отлично понимал, поэтому и писал в рапорте с просьбой об отправке на фронт, что оставаться в Москве с документами на имя Рудольфа Шмидта – это значит вызывать серьезные подозрения.

В ночь на 25 августа 1942 года, в обстановке строжайшей секретности, с Центрального испытательного аэродрома имени Л.М. Кагановича, расположенного в Подлипках под Москвой взлетел военно-транспортный самолет ЛИ-2 (бортовой №1842401), пилотируемый экипажем 102 авиаполка авиации дальнего действия (АДД) и взял курс на Западную Украину, На борту был особо засекреченный спецагент IV Управления НКВД СССР Николай Кузнецов. Он летел в тыл врага. Шел 430 день смертельной схватки с нацизмом. В этот день ожесточенные бои шли на Дону, у ворот Северного Кавказа. Немцы рвались к Волге. В Сталинграде в этот день было введено военное положение, а накануне в войска поступил самый суровый, секретный Приказ Народного Комиссара Обороны СССР № 227 «Ни шагу назад»...

Продолжение следует.

Список литературы

1. Гладков, Т. К. Легенда советской разведки / Т. К. Гладков. – Москва: Вече, 2004. – 119 с.
2. Моносов, Л. М. Легендарный Кузнецов (загадки тайны и смерти). Часть I. 1935–1940 гг.: монография / Л. М. Моносов. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2023. – 56 с.
3. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 27124. – Л. 29.
4. Суслов, А. Б. Конец «ежовщины»? К вопросу об изменении подходов к деятельности НКВД после отставки Н.И. Ежова / А. Б. Суслов // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XVII. «Гороховая, 2». – Санкт-Петербург: Любавич, 2019. – С. 264–269.
5. Кузнецов, В. Разведчик Николай Кузнецов / В. Кузнецов. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1967.
6. Лукин, А. А. Прерванный полет / А. А. Лукин, Т. К. Гладков. – Москва: Молодая гвардия, 1969.
7. Лукин, А. А. Николай Кузнецов / А. А. Лукин, Т. К. Гладков. – Москва: Молодая гвардия, 1971. – 224 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 2 (509)).
8. Судоплатов, П. А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 540 с.
9. Долгополов, Н. М. Тайны жизни и смерти Николая Кузнецова. Раскрываем новые страницы биографии великого разведчика-нелегала / Н. М. Долгополов, Л. М. Моносов // Российская газета. – 2024. – №55 (9297). – С. 10.
10. Исаев, А. В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой войны / А. В. Исаев. – Москва: Яуза; Эксмо, 2004. – 349 с.
11. Лайдинен, Э. П. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии на Северо-Западе России (1918–1939) / Э. П. Лайдинен, С. Г. Веригин. – 3-е изд., доп. и испр. – Выборг: Военный музей Карельского перешейка, 2019. – 304 с.
12. Первое задание разведчика Кузнецова. – URL: https://nvspb.ru/2004/03/13/pervoe_zadanie_razvedchika_kuz-16190
13. Кузнецов, Н. С. Непревзойденная легенда / Н. С. Кузнецов, Д. С. Кузнецов. – Екатеринбург: Ridero, 2022. – 506 с.

14. Долгополов, Н. М. Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта. Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны / Н. М. Долгополов. – 2-е изд. – Москва: Молодая гвардия, 2016. – 367 с.

15. Судоплатов, П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы / П. А. Судоплатов. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 1977. – 688 с.

16. Гладков Т. Легенда советской разведки Н. Кузнецов / Т. Гладков – URL: <https://litresp.ru/kniga/ru/%D0%93/gladkov-teodor/legenda-sovetskoj-razvedki---n-kuznecov>

17. Чуев, Ф. И. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы / Ф. И. Чуев. – Москва: Ковчег, 1998. – 559 с.

18. Антонов, В. С. Служба внешней разведки: история, люди, факты / В. С. Антонов. – Москва: Кучково поле, 2013. – 382 с.

19. Удманцев, В. Как создавались документы прикрытия для разведчиков-нелегалов / Вадим Удманцев // Военно-промышленный курьер. – 26.03.2018.

20. Хинштейн, А. Е. Подземелья Лубянки / А. Е. Хинштейн. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 416 с.

21. Колпакиди, А. Легенды о жизни разведчика Николая Кузнецова никогда не затмят правды о нем / А. Колпакиди. – URL: https://ruskline.ru/opp/2014/3/11/legendy_o_zhizni_razvedchika_nikolaya_kuznecova_nikогда_ne_zatmyat_pravdy_o_nem

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Моносов Лев Моисеевич

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ КУЗНЕЦОВ
(ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ).
ЧАСТЬ II. 1939–1942 гг.**

Монография

Чебоксары, 2024 г.

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*

Дизайн обложки *М. С. Фёдорова*

Подписано в печать 10.10.2024 г.

Дата выхода издания в свет 15.10.2024 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 4,65. Заказ К-1344. Тираж 500 экз.

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 222-490

info@interactive-plus.ru

www.interactive-plus.ru

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru